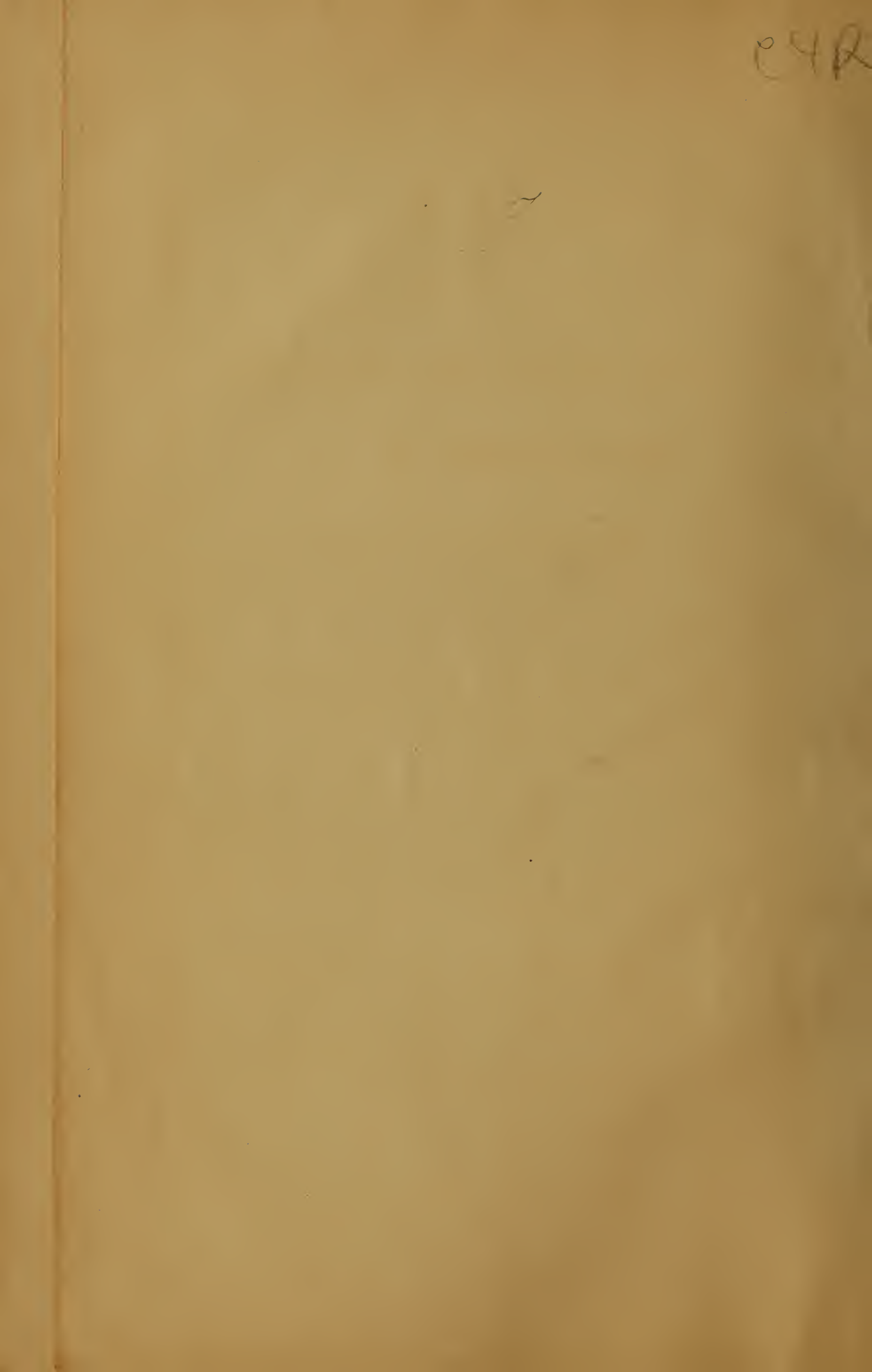

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

CYR

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖУРНАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ЕКАТЕРИНЫ II.

П. Пекарскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ III^му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1863.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфианджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 35 коп. сер.

Pekarskii, Petr Petrovich.

Materialy dlia istorii zhurnal'noi i literaturnoi dieiatel'nosti Ekateriny vtoroi

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖУРНАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ЕКАТЕРИНЫ II.

П. Пекарскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ III^му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1863.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфянджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 35 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, 13 Іюля 1863 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЖУРНАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ II.

П. ПЕКАРСКАГО.

«Что касается до моихъ сочиненій, то я смотрю на нихъ, какъ на бездѣлки. Я любила дѣлать опыты во всѣхъ родахъ, но мнѣ кажется, что все, написанное мною довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я никогда не придавала этому никакой важности»... [1]).

Такъ отзывалась сама Екатерина о своихъ произведеніяхъ, но литературной дѣятельности Императрицы нельзя будетъ обойти историку, которому выпадетъ на долю описаніе судебъ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Послѣ Петра Великаго, который, какъ извѣстно, часто прибѣгалъ къ печатному станку для распространенія своихъ взглядовъ и мнѣній, Екатерина II также любила печатно выражать свои мысли и направленіе. Понятно, съ какимъ любопытствомъ современники читали страницы, на которыхъ являлся бесѣдовать съ ними коронованный авторъ. Это любопытство остается и до нынѣ въ изслѣдователѣ, потому что для него въ высшей степени важно изъ писаннаго рукою такого историческаго дѣятеля, каковымъ была Екатерина, уяснить себѣ хотя нѣкоторыя изъ ея внутреннихъ помысловъ и побужденій.

Получивъ возможность пользоваться собственноручными черновыми рукописями разныхъ литературныхъ произведеній Императрицы, пишущій эти строки прежде всего обратилъ

---

1) Correspondance de l'Impératrice de Russie Catherina II avec le chevalier de Zimmermann, 1808 г., стр. 378.

вниманіе на мелкія статейки ея, составлявшіяся, какъ по всему видно, на скорую руку, подъ мимолетнымъ впечатлѣніемъ того или другаго обстоятельства. Подобныя статейки для исторіи иногда имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ долго обдумываемыя и не разъ переправляемыя сочиненія обширнаго размѣра.

Между мелкими статьями и отрывками, писанными Екатериною, каждый на отдѣльныхъ листахъ, находимъ начало одной, видимо неоконченной статьи такого содержанія:

«Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылися — мы небось съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни на есть начать; предисловіе ваше одна есть рѣзвость; привѣтствіе публикѣ была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новизнами»...

Знакомому съ сатирическими журналами, которые появились-было во множествѣ въ 1769 г., не трудно угадать, что это письмо предназначалось къ издателю одного изъ такихъ журналовъ, именно «Всякой всячинѣ». Изданіе это тѣмъ и замѣчательно, что было первое по времени появленія своего въ сказанномъ году, что вслѣдъ за нимъ немедленно стали выходить другіе сатирическіе листки, и что, наконецъ, оно само себя называло и другіе собраты величали его «прародительницею, бабушкою». Первый листъ «Всякой всячины» дѣйствительно начинается поздравленіемъ съ новымъ годомъ, предисловіемъ и привѣтствіемъ къ публикѣ, о которыхъ говоритъ Екатерина въ приведенномъ сейчасъ отрывкѣ.

Второй отрывокъ Императрицы уже прямо называетъ прародительницу сатирическихъ журналовъ:

«Госпожа бумагомарательница «Всякая всячина»! По милости вашей, нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ: вѣдь и профессора Рихмана

бы громъ не убилъ, если бы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! даже да и намъ, старикамъ и старухамъ, спуска нѣту. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я у васъ спрашиваю? Вѣдь я знаю тетку—она ея сосѣдъ. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы мнѣ не попадетесь за городомъ, гдѣ ни на есть на встрѣчу (зачеркнуто: то я васъ со псарями)»...

Во «Всякой всячинѣ» на стр. 276—280 есть письмо, подписанное Патрикѣемъ Правдомысловымъ. Чтобы понять его смыслъ, надобно напомнить, что «Всякая всячина», вызвавъ своимъ примѣромъ другія изданія съ сатирическимъ направленіемъ, впослѣдствіи стала изъявлять недовольство на рѣшительность и рѣзкость обличеній своихъ собратовъ и нерѣдко давала замѣтить, что имъ слѣдуетъ не все же писать одни обличенія, но также не пропускать «описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностью къ государю» [1]) и т. п. Впрочемъ, подобные совѣты мало слушало журнальное потомство «Всякой всячины», такъ что ей самой пришлось взять на себя осуществленіе ихъ, почему она и помѣстила на своихъ страницахъ нѣсколько статеекъ, гдѣ уже нѣтъ помину о сатирѣ, а есть похвалы и защита существовавшему порядку. Къ разряду такихъ статей принадлежитъ и письмо Патрикѣя Правдомыслова, въ которомъ опровергаются толки, что у насъ нѣтъ правосудія въ Россіи: «мы всѣ, говоритъ Патрикѣй Правдомысловъ, сомнѣваться не можемъ, что нашей великой Государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива... Долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались. Впрочемъ я не судья и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужное сіе къ вамъ написать для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши

1) «Всякая всячина», стр. 214.

своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ: промотались и не осталось у нихъ окромѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ... Я сбираюсь прислать къ вамъ еще письмецо со описаніемъ прихотей нашихъ».

Этого письмеца Патрикѣя Правдомыслова во «Всякой всячинѣ» почему-то не напечатано, но оно дѣйствительно было заготовлено и притомъ самою Императрицею. Въ ея черновыхъ рукописяхъ она отъ лица Патрикѣя Правдомыслова говоритъ, что недавно обѣщалась прислать «нѣчто, касающееся до прихотей», но нынѣ помѣщается переведенное съ курильскаго языка письмо изъ Прихотополиса къ Белибердѣ. Здѣсь приводится мысль, что всѣ привыкли жить не по состоянію, отчего проматываются, а потомъ дѣлаются ничѣмъ не довольны и требовательны. Письмо это довольно обширно, а потому помѣщено при настоящей статьѣ въ приложеніи I-мъ. По мыслямъ, языку и нѣкоторымъ оборотамъ оно сходно не только съ письмомъ Правдомыслова, напечатанномъ во «Всякой всячинѣ», но и съ нѣкоторыми другими статьями этого изданія.

Четвертый отрывокъ, писанный Екатериною, заключаетъ въ себѣ начало очерка какого-то помѣщика-собачника. Въ сатирическихъ изданіяхъ было въ обычаѣ помѣщать письма отъ имени самихъ осмѣиваемыхъ лицъ. Отрывокъ этотъ также не напечатанъ, и, быть можетъ, именно по этому сохранился между черновыми бумагами Екатерины, вмѣстѣ съ вышеописанными. Вотъ онъ:

«Иванушка, здравствуй! Посылаю тебѣ мое грѣшное благословеніе. Я занемогъ больно, и у меня хлопотъ что ни есть конца. Хлѣбъ дешевъ, солома плоха, травы были густы, а сѣно коротко (sic). Прошлое лѣто было все противное. Такая-то нынѣ диковинка! Привези съ собою Проньку да сѣрую суку борзую. Щенята ея всѣ перемерли къ немалому моему прискорбію. Я ѣздилъ на сихъ дняхъ съ собаками. Муругой кобель хорошо скачетъ и впереди рыщетъ»...

Приведенныя сейчасъ рукописи достаточно подтверждаютъ, что Императрица принимала участіе во «Всякой всячинѣ». Обыкновенно считаютъ издателемъ этого журнала Григорья

Васильевича Козицкаго, при чемъ прибавляется, что *впослѣдствіи*, стало быть послѣ 1769 г., когда выходила «Всякая всячина», онъ былъ статсъ-секретаремъ (?) Екатерины. Новиковъ, современникъ Козицкаго и не только собратъ по изданію сатирическихъ листковъ, но и журнальный противникъ его, называвшій въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ» прямо и безъ обиняковъ всѣхъ издателей сатирическихъ журналовъ 1769 года, Новиковъ однако говоритъ довольно уклончиво о принадлежности «Всякой всячины» Козицкому: «слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ; посему-то *нѣкоторые и заключаютъ*, что «Всякая всячина», еженедѣльное сочиненіе 1769 г., пріобрѣтшее толикую похвалу, есть произведеніе его пера».

Козицкій сначала былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, а съ 1769 по 1775 годы состоялъ на службѣ «въ Кабинетѣ и при собственныхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ». Во время торжества по случаю заключенія мира съ Турками, 10 іюля 1775 г., онъ по прошенію уволенъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника.

Дѣловыя бумаги Козицкаго, во время службы его при Кабинетѣ Императрицы, начинаются 1768-мъ и кончаются 1775-мъ годомъ. Изъ нихъ видно, что у него хранились доклады на Высочайшее имя по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія государствомъ, прошенія на имя Императрицы, рапорты, справки и передача личныхъ ея приказаній по всѣмъ почти вѣдомствамъ и ко всѣмъ тогдашнимъ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Кромѣ всего этого, Козицкій, подобно Храповицкому впослѣдствіи, завѣдывалъ библіотекою Екатерины; у него попадаются бумаги, касавшіяся театровъ, изданія «Журнала или Поденной записи Петра Великаго», переводовъ на французскій, латинскій и греческій языки «Наказа»; у него была переписка и просьбы Сумарокова и т. п. Наконецъ, онъ занимался, по порученію Императрицы, переводомъ на русскій языкъ Criminal-Process-Ordnung, писалъ «примѣчанія о порядкѣ составленія Россійскаго словаря»; его рукою на бѣло переписано извѣстное возраженіе на неблагопріятное для Россіи описаніе путешествія Шаппа «Antidote

ou examen du mauvais livre superbement imprimé, intitulé Voyage en Sibérie... par M. l'abbé Chappe». *MDCCLXVIII*[1]).

При такихъ разнообразныхъ занятіяхъ трудно предположить, чтобы Козицкій, по собственному побужденію и охотѣ, вздумалъ еще издавать сатирическіе листки, подъ названіемъ «Всякая всячина», слѣдилъ такъ зорко за всѣми своими соперниками на журнальномъ поприщѣ и даже вступалъ съ ними въ горячую полемику. Въ началѣ «Всякой всячины» находимъ нѣсколько чертъ, которыми обрисовываетъ себя издатель ея и которыя какъ-то нейдутъ къ Козицкому, недавно занимавшему скромную должность адъюнкта Академіи Наукъ, а въ 1769 г. служившему въ небольшомъ чинѣ въ Кабинетѣ «у принятія челобитенъ».

Такъ напр., въ предисловіи къ читателю неизвѣстный издатель говоритъ: «мнѣ сказали мама и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я уменъ; *у меня есть ласкатели*, кои тоже нынѣ подтверждаютъ, ибо не у однихъ князей и бояръ, *да у Двора* найти сихъ животныхъ можно... Не вздумайте же впрямъ, что мнѣ нужда въ вашихъ деньгахъ: я, право, дважды въ день сытъ, и еще остается столько, что и васъ накормить можно. Я знаю, что все сіе отправляется на чужой счетъ, *ибо доходъ мой есть дань, мною наложенная на людей*, кои болѣе меня работаютъ въ потѣ лица своего, а я то проживаю безъ толикаго труда и часто безъ благодарности къ нимъ, въ чемъ уже друзья мои

---

1) Есть извѣстіе, что въ составленіи «Антидота» участвовалъ гр. Андрей Шуваловъ. Кераръ (Les Supercheries littéraires dévoilées I, 211) опровергаетъ это, но довольно голословно, безъ всякихъ фактическихъ доказательствъ. Вотъ одно письмо А. Шувалова къ Императрицѣ, можетъ быть относящееся къ «Антидоту»: «Madame. J'ai executé les ordres de Votre Majesté Impériale, *et Mr. Kazitski a ecrit le tout de sa main* en metant à la fin les augmentations que vous avés daigné aprouver; et nous hazardons encore une augmentation qui est soulignée, et que nous soumetons aux lumières de Votre Majesté. J'a l'honneur d'être avec le respect le plus profond et avec toute la reconaissance que je dois a vos bontés

Madame
de Votre Majesté Impériale
Le très humble très obeissant et très soumis, serviteur et sujet
C. A. de Schouwaloff.

Le 10 mai 1768. St.-Pétersbourg.

(*Въ письмѣ соблюдено правописаніе подлинника, который весь писанъ рукою самого Шувалова*).

часто мнѣ попрекали, говоря, что стыдно въ томъ быть не признательну, и что я равныхъ себѣ мало уважаю, хотя во мнѣ спѣсь и не велика. Я сей свой порокъ приписываю дурному воспитанію и хулительному тѣхъ людей, съ коими обращаюся, примѣру, а отнюдь не своей гордости...»

Въ описаніи издателей (на стр. 2 — 3) читаемъ: «первый изъ насъ не молодъ и не старъ, т. е. *лѣтъ сорока*, весьма имѣетъ обширную память. Я знаю, что есть люди, кои утверждаютъ, что толикая память никогда не соединена со разсужденіемъ, но однакожъ другъ мой памятенъ, а разсужденіе имѣетъ какъ сможетъ, въ чемъ онъ самъ соглашается. Онъ при томъ очень разговорчивъ, съ большимъ жаромъ и весьма упрямъ. Намѣренія его суть честны, но онъ несчастливъ въ томъ, что часто его виды имѣютъ тѣсные предѣлы и что благо часто не доходитъ до его догадки или переходитъ оную. Впрочемъ онъ отмѣнно способенъ выискивать общую пользу изъ подъ спуда. Онъ намѣревается о семъ скоро издать особое свое мнѣніе въ печать, но только не знавъ, каково принято будетъ, прінскиваетъ напередъ друзей, кои бы оное похваляли, въ чемъ я первый съ нимъ согласенъ, хотя я и не знаю, въ чемъ оно состоитъ, но слово одно — общая польза обуздаетъ мое понятіе...»

«Всякой всячинѣ» замѣтно не нравилось размноженіе сатирическихъ листковъ (ср. вышеприведенный второй отрывокъ Екатерины), и тамъ на стр. 104 высказано: «мимоходомъ дадимъ примѣтить читателю, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодовитаго, какъ потомство «Всякія всячины». Но всего болѣе не нравилось ей рѣзкость и рѣшительность обличеній своихъ собратовъ-издателей, и по этому поводу у ней велась ожесточенная война съ ними. Замѣчательно, что всѣ сатирическіе листки, за исключеніемъ одного «И то, и се» Чулкова, были противъ «Всякой всячины», и ей приходилось иногда выдерживать сильныя нападки [1]. «Вся вина «Всякой всячины», говорилъ «Трутень»,

[1] О журнальной полемикѣ сатирическихъ листковъ обстоятельно уже говорилось въ изслѣдованіяхъ: г. Булича «Сумароковъ и современная ему критика» (Спб. 1854 г.) стр. 211 — 274, и г. А. Аѳанасьева «Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ» (М. 1859 г.) стр. 3 — 62.

состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ...» Съ своей стороны «Всякая всячина» заставляетъ придворнаго господчика высказывать такіе отзывы о «Трутнѣ»: «не въ свое-де этотъ авторъ садится сани. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на *придворныхъ* господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-же смѣлость ничто иное есть какъ дерзновеніе. Положимъ-де его недавно отправила «Всякая всячина» очень хорошо, да это еще ничего; въ старыя времена послали бъ-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни на есть царства русскаго владѣнія (тонкій намекъ на Сибирь), но нынче-де дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь-де знатный господинъ не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ ужъ худой слуга.»

Вообще въ нападкахъ на «Всякую всячину» собратья ея всегда долгомъ считали намекнуть или на придворныхъ или на знатныхъ. Такъ другой сатирическій листокъ того же времени «Смѣсь», разбирая «Всякую всячину», замѣчалъ: «завела она ссоры между своими внучатами... Знаете ли почему она увѣнчана толикими похвалами, въ листкахъ ея видными? Я вамъ скажу. Во первыхъ скажу потому, что многія похвалы сама себѣ сплетаетъ; потомъ по причинѣ той, что разгласила, будто въ ея собраніи многіе знатные господа находятся, и такъ нѣкоторые, можетъ статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти въ ихъ милость, засыпали похвалами «Всякую всячину».

Послѣ такого рода полемики противъ «Всякой всячины» и зная, кто былъ ея сотрудникомъ, не будетъ уже казаться удивительнымъ, почему въ слѣдующемъ 1770 году всѣ сатирическіе листки внезапно прекратились. Ихъ пережили только та же «Всякая всячина» и «Трутень», но и то оба они не помѣщали болѣе сатирическихъ замѣтокъ и вскорѣ прекратились вовсе, вѣроятно вслѣдствіе равнодушія къ нимъ публики.

Впрочемъ въ 1772 г. явился новый сатирическій журналъ, превосходившій смѣлостью обличеній и сатиры всѣ прежнія изданія въ этомъ родѣ — онъ назывался «Живописецъ». Его

издавалъ Новиковъ, который долгомъ счелъ посвятить свой журналъ будто бы неизвѣстному сочинителю комедіи «О время!», т. е. самой Екатеринѣ, и объявить ей прямо: «*вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился;* вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцовъ, вы поострили меня испытать въ томъ свои силы» и т. д.

Сочинитель комедіи «О время!» отвѣчалъ на это посвященіе любезнымъ письмомъ. Новиковъ поспѣшилъ помѣстить его въ своемъ «Живописцѣ» и за тѣмъ какъ бы принялъ за правило: каждый разъ послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статеекъ помѣщать какую-нибудь громкую оду въ честь Императрицы, или диѳирамбъ князю Григорью Григорьевичу Орлову, или обращеніе къ графу Никитѣ Ивановичу Панину. Впрочемъ все это, кажется, не долго помогало, по крайней мѣрѣ во второй части «Живописца» Новиковъ видимо сдерживался или былъ сдерживаемъ.

До 1783 года Екатерина не принимала участія въ журналистикѣ, почему можетъ быть и русскіе журналы послѣ 1769 г. не были въ состояніи по разнымъ причинамъ представить что либо замѣчательное. Въ сказанномъ году, княгиня Дашкова, только что сдѣланная тогда директоромъ Академіи Наукъ, начала издавать на счетъ академическихъ суммъ литературный журналъ «Собесѣдникъ» [1]).

---

1) Замѣтимъ для библіографовъ, что въ это же время, именно 2 мая 1783 г., княгиня Дашкова и два совѣтника Академіи Наукъ сдѣлали относительно печатаемыхъ въ академической типографіи книгъ такое распоряженіе: «на книгахъ, издаваемыхъ на счетъ Академіи, печатать впредь внизу: *Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ.* На тѣхъ же, которыя печатаются на счетъ ея Императорскаго Величества Кабинета или комнаты, также и частныхъ какихъ-либо особъ — печатать: *При Императорской Академіи Наукъ.* Ежели же кто изъ частныхъ людей отдастъ напечатать какую книгу, недостойную вниманія, то на ней ничего, кромѣ Санктпетербурга и года, не печатать, дабы публика свѣдома была, какія точно книги печатаются въ академической типографіи. Что же касается до дурныхъ книгъ, то поелику сіе иногда составляетъ интересъ Академіи, то ихъ хотя и печатать, но чтобъ извѣстно было, что тѣ не на академической счетъ чинятся, почему на таковыхъ книгахъ и означать, что оныя напечатаны на счетъ сочинителя».

Въ мемуарахъ княгини Дашковой помѣщено нѣсколько записокъ и писемъ къ ней Императрицы. Они до сихъ поръ не обращали на себя особеннаго вниманія, потому что по бóльшей части безъ обозначенія годовъ и чиселъ, и, главное, полны недосказанныхъ рѣчей, которыя для Дашковой были ясны, но для насъ почти вовсе непонятны. Между тѣмъ въ нихъ не рѣдко идетъ дѣло о разныхъ журнальныхъ статьяхъ, произносится приговоръ тѣмъ или другимъ авторамъ или толкуется о полемикѣ «Собесѣдника». Все это знакомитъ съ задушевною, неуловимою теперь стороною журнальной дѣятельности Екатерины II и княгини Дашковой и можетъ отчасти раскрывать побужденія и затаенныя мысли, съ которыми онѣ печатали въ «Собесѣдникѣ» тѣ или другія изъ своихъ статей.

Пособіемъ для объясненія переписки Екатерины, помѣщенной въ Мемуарахъ Дашковой, служатъ уцѣлѣвшія (не вполнѣ) письма послѣдней къ Императрицѣ, собственноручныя статьи ея для «Собесѣдника» и, наконецъ, самыя печатныя статьи этого журнала. Представляемыя здѣсь извѣстія и соображенія сдѣланы на основаніи этихъ матеріаловъ.

Изъ записокъ Екатерины къ Дашковой, касавшихся «Собесѣдника», первою по времени можно считать слѣдующую, безъ обозначенія года и числа:

«Къ княгинѣ Дашковой обращается просьба о помѣщеніи—если найдетъ она это удобнымъ—въ новый ея журналъ, который встрѣчаетъ такъ много одобренія, прилагаемое при семъ *предисловіе*» [1]).

Первая книжка «Собесѣдника» вышла 20 мая 1783 г., а

«Собесѣдникъ» издавался въ огромномъ, судя по тогдашнему времени, количествѣ экземпляровъ, именно: ихъ было печатано 1812 экз. Распродажа первыхъ частей его, какъ видно по нѣкоторымъ даннымъ, шла довольно успѣшно: 1-я и 2-я книжки «Собесѣдника» вышли въ маѣ и іюнѣ 1783 года, а 26 іюня того же года переводчикъ Борисяковъ, занимавшійся продажею академическихъ книгъ въ Москвѣ, донесъ Академіи, что присланные 100 экз. «Собесѣдника» всѣ уже проданы, и просилъ о скорѣйшей присылкѣ еще 100 экз. 29 іюня, Борисяковъ ходатайствовалъ уже о присылкѣ 200 экз. этого журнала. См. «Входящія дѣла Академіи Наукъ» за май, іюнь, іюль и августъ 1783 г., въ Комитетскомъ Архивѣ Академіи Наукъ.

1) Ч. I, 330. Въ настоящей статьѣ ссылки на Записки Дашковой дѣлаются по нѣмецкому переводу ихъ: «Memoiren der Fürstin Daschkoff», Hamburg, 1857.

во второй уже помѣщены «Были и небылицы». Что Императрица въ запискѣ разумѣла именно ихъ, это доказывается черновыми рукописями «Былей и небылицъ»: тамъ на первомъ листкѣ ихъ съ боку надпись — «*предисловіе*». Изъ тѣхъ же рукописей видно, что Государыня думала сначала назвать свои юмористическія статьи «Бреднями». Это заглавіе упоминается въ предисловіи, послѣ котораго стоитъ «Начало бредней»; въ печатномъ уже стоятъ «Были и небылицы». Впослѣдствіи Екатерина такъ разсказывала объ этомъ заглавіи: «когда началъ писать, право не зналъ, что то будетъ слыть «Былями и небылицами»; но вотъ какъ рѣдкое сіе твореніе свѣту извѣстно сдѣлалось: написавъ нѣсколько страницъ, началъ я придумывать заглавіе, или лучше сказать — какъ всякая вещь имѣетъ свое имя, то какъ назвать и новорожденное дитя? Тутъ, какъ молнія выскочило изъ моего пера громкое названіе Были и небылицы...» [1]).

Въ предисловіи Екатерина нужнымъ сочла объявить: «увѣряю, что хотя не единаго языка правильно не знаю, грамматику не учился и ортографію отнюдь не знаю, но во истинну не пропущу сего (зачеркнуто «такого») удобнаго случаю издать мои бредни...» [2]).

Въ первыхъ статьяхъ «Былей и небылицъ» встрѣчается болѣе портретовъ, несомнѣнно списанныхъ съ живыхъ лицъ. Здѣсь выпишемъ описаніе нерѣшительнаго, которое, какъ увидимъ ниже, должно было принять на свой счетъ одно, извѣстное въ русской исторіи XVIII столѣтія лицо.

«Есть у меня сосѣдъ, который въ младенчествѣ слылъ умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать — въ совершеннолѣтствіи каковъ? Увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро, но когда два шага сдѣлаетъ на право, то, одумавшись, пойдетъ на лѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его идти впередъ, потомъ возвращается вспять.

---

1) «Собесѣдникъ», IV, 161.

2) Это мѣсто выписано здѣсь изъ рукописи; вотъ, какъ оно явилось въ печати: «Увѣряю, что хотя ни единаго языка я правильно не знаю, грамматикѣ и никакой наукѣ не учился, но не пропущу сего удобнаго случая издать «Были и небылицы».

Каковъ же путь его, таковы и мысли. Сосѣдъ мой отъ роду своего не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ. Поутру вспомнитъ, что у васъ столъ хорошъ, отъ утра до обѣда мучится нерѣшимостію, ѣхать или не ѣхать къ вамъ? Рѣшится, къ обѣду къ вамъ поѣдетъ, сядетъ съ вами за столъ. Тутъ вдругъ на него нападетъ воздержаніе отъ пищи: сколько ни будутъ подчивать, не станетъ ѣсть, подъ отговоркою, что желудокъ или животъ болитъ, и отъ того сдѣлается уторопленнымъ. Къ концу стола опомнится, когда кушанье начнутъ прибирать; начнетъ тогда съ засталыхъ блюдъ что нибудь хватать и окончаетъ обѣдъ закусками, позабывъ, что животомъ жаловался за полчаса предъ тѣмъ. Мой сосѣдъ двадцатью въ день скупъ и мотъ, богатъ и бѣденъ, хорошъ и дуренъ, доволенъ и недоволенъ — и все, что изволишь, только счастливъ не бываетъ, для того что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ и не имѣетъ ни одной, которая бы не перебита была другою. Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труся однако мнѣ мысленно. Часто я смѣюсь надъ нимъ. Говоря съ нимъ дружески, привожу его въ чувство, но тѣмъ не поправляется его состояніе — лишь ропщетъ противу меня заочно, а въ глазахъ мнѣ льститъ. Бывъ съ нимъ въ размолвкѣ на Святой недѣлѣ, встрѣтилъ я его нечаянно на улицѣ, спросилъ, куда идешъ? Къ вечернѣ, отвѣтствовалъ онъ. Но вмѣсто того нѣсколько минутъ только спустя, завелъ меня къ танцовщицѣ. Сія, стоя предъ зеркаломъ, пляску твердила. Тутъ сосѣдъ мой тотчасъ вздумалъ поволочиться, началъ нравоучительныя проповѣди. Пока говорилъ, пляска продолжалась предъ зеркаломъ безпрерывно, въ отвѣтъ же ему сказано было: куда, мой свѣтъ, ты скученъ! Съ тѣмъ мы и вышли» [1]).

Въ «Быляхъ и небылицахъ», помѣщенныхъ въ третьей книжкѣ «Собесѣдника», авторъ ихъ говоритъ, что онъ, «въ угодность самолюбію», читаетъ ихъ, не замѣчая грамматическихъ поправокъ, которыя были сдѣланы при печатаніи, что онъ пишетъ «не учась ничего и не зная ниже правилъ грамма-

---

1) «Собесѣдникъ» II, 146 — 149.

тики» и что не смотря на то не боится критиковъ, но издаетъ свои произведенія въ угодность маіору прозваніемъ Самолюбіе. Въ концѣ есть письмо отъ имени Петра Угадаева къ издательницѣ «Былей и небылицъ»: «напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми: я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы, да и не мы одни»... Екатерина, написавъ сама отъ Угадаева, сама же и отвѣчала ему: «люди тутъ (въ Быляхъ и небылицахъ) безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое, до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде же Карпъ, или Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы: слово отъ слова внесемъ въ «Были и небылицы»... [1]).

Екатерина не даромъ написала жалобу отъ Угадаева: Угадаевы водились при дворѣ ея. Такъ кн. Дашкова, въ своихъ Запискахъ, сохранила слѣдующее извѣстіе: «Академія начала издавать новый журналъ, въ которомъ иногда помѣщались статьи Императрицы и мои... какой бы сатирическій листокъ ни появился въ этомъ журналѣ, князь Вяземскій (тогдашній генералъ-прокуроръ сената) относилъ его къ себѣ или своей женѣ. Особенно онъ возсталъ противъ нашего изданія, когда въ немъ сталъ участвовать Державинъ, потерявшій мѣсто по милости Вяземскаго и потому подозрѣваемый имъ въ мщеніи, которое было въ распоряженіи у него, какъ поэта всѣми читаемаго и всѣхъ восхищавшаго...» [2]).

Въ третьей же книжкѣ «Собесѣдника» напечатаны знаменитые вопросы Фонъ-Визина съ отвѣтами Екатерины. О нихъ-то идетъ рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ ея къ Дашковой, очевидно написанномъ до напечатанія III-й кн. журнала, вышедшей 28 іюля 1783 года: «я получила ваше письмо съ приложенными къ нему бумагами и въ нихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ прочитала и выраженныя ко мнѣ чувства и отчетъ объ учрежденіи, которое вы стараетесь основать (?). Между тѣмъ я внимательно перечитала извѣстную статью и менѣе, чѣмъ прежде, противъ того, чтобы возражать на нее. Если бы

1) «Собесѣдникъ», III, 140, 141.
2) Memoiren, II, 47, 48.

возможно было напечатать ее вмѣстѣ съ отвѣтами, то сатира будетъ безвредна [1]), если только поводъ къ сравненіямъ не придастъ бо́льшей дерзости. Это (т. е. вопросы) идетъ несомнѣнно *отъ оберъ камергера* въ отмщеніе за портретъ *нерѣшительнаго человѣка* во второй части — — (пропускъ и въ оригиналѣ). Прошу васъ обратить вниманіе, что *14-й пунктъ* помѣщенъ два раза, можетъ быть съ намѣреніемъ, чтобы возможно было одинъ изъ нихъ исключить, не нарушая счета. Эта предосторожность, жалкая сама по себѣ, не совершенно ли похожа на оберъ-камергера, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ?» [2]).

Во II-й книжкѣ «Собесѣдника» напечатано приведенное выше описаніе нерѣшительнаго, а въ вопросахъ Фонъ-Визина дѣйствительно есть два, оба обозначенные цифрою 14, что̀ оставлено и въ «Собесѣдникѣ» (въ позднѣйшихъ же перепечаткахъ это исправлено, вѣроятно въ предположеніи, что два вопроса, помѣченные цифрою 14, должно считать опечаткою). Сейчасъ выписанное письмо любопытно, такъ какъ въ немъ сохранился взглядъ Императрицы на смѣло высказанные вопросы и потомъ подтверждаетъ, что она въ «Быляхъ и небылицахъ» описывала иногда своихъ придворныхъ. Она несомнѣнно была увѣрена, что вопросы были мщеніемъ со стороны нерѣшительнаго оберъ-камергера, почему, на 16-й вопросъ: «гордость бо́льшей части бояръ обитаетъ въ душѣ или въ головѣ?» не задумавшись, отвѣчала: «тамъ же, гдѣ нерѣшительность!» [3]) Смыслъ этого отвѣта только и дѣлается понятнымъ по прочтеніи письма Императрицы къ Дашковой.

Письмо это писано въ то время, когда при дворѣ въ должности оберъ-камергера состоялъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Шуваловъ [4]). Въ Россіи, со временъ Екатерины II, времен-

---

1) Въ «Собесѣдникѣ» такъ и сдѣлано: вопросы Фонъ-Визина напечатаны въ параллель съ отвѣтами на нихъ Императрицы.

2) Memoiren der F. Daschkoff, I, 332.

3) «Собесѣдникъ», III, 165. Въ «Русскомъ чтеніи» С. Глинки есть извѣстіе, будто Шуваловъ и Дашкова убѣждали Фонъ-Визина не представлять вопросовъ Императрицѣ, но напрасно, и что Екатерина, прочитавъ ихъ, только сказала: «мы отмстимъ ему». Р. Чт. II, 37.

4) Мѣсяцословъ на 1783 г., стр. 3.

щики и вообще люди, бывавшіе въ случаѣ въ предшествовавшія царствованія, уже не подвергались преслѣдованіямъ, какъ прежде; напротивъ они, оставаясь при дворѣ, покойно по видимому пользовались прежними званіями и были осыпаемы, на равнѣ съ новыми счастливцами, почестями и наградами. Такой образъ дѣйствія у Екатерины II былъ своего рода системою. Когда, въ іюлѣ 1789 г., стало извѣстно объ отставкѣ Неккера и происходившихъ тогда во Франціи замѣшательствахъ, Императрица говорила Храповицкому: «со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментація тамъ должна быть. Нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Ла-Файета, comme un ambitieux, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ! *Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія»* [1]). И. И. Шуваловъ имѣлъ особенное значеніе при дворѣ Императрицы Елизаветы, когда Екатерина была великою княгинею. Изъ ея собственныхъ разсказовъ о тогдашнемъ времени можно убѣдиться, что Шуваловъ, находясь подъ вліяніемъ своихъ родственниковъ, графовъ Шуваловыхъ, былъ на сторонѣ противниковъ великой княгини. Въ короткое царствованіе Петра III, онъ пользовался особенною благосклонностью Императора, а послѣ вступленія на престолъ Екатерины II, писалъ къ Вольтеру, что это событіе было дѣломъ рукъ княгини Дашковой. Это дошло до Императрицы, и было главнѣйшею причиною ея охлажденія къ Дашковой и недовольства на оберъ-камергера. «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой — писала Екатерина къ Станиславу Понятовскому — хотя и желаетъ присвоить себѣ всю честь переворота 28 іюня 1762 года, однако ее очень не жаловали по ея родственнымъ связямъ, а ея возрастъ (19 лѣтъ) никому не внушалъ довѣрія. Она воображала, что все до меня доходило черезъ нея, однако я сносилась со всѣми начальниками за шесть мѣсяцевъ прежде, чѣмъ она узнала о томъ первое слово. Правда, что она очень умна, но несносна по своему чрезмѣрному тщеславію и наклонности къ ссорамъ... Иванъ Шуваловъ, самый низкой и подлый изъ людей, говорятъ, писалъ къ Вольтеру,

---

1) Записки Храповицкаго въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др.» 1862 г., III, 202.

что девятнадцатилѣтняя женщина перемѣнила правленіе въ Россіи. Прошу васъ разувѣрьте въ томъ великаго писателя...» [1]).

Второй изъ помѣченныхъ цифрою 14 вопросовъ заключался въ слѣдующемъ: «отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?» Вопросъ этотъ, какъ кажется, болѣе всѣхъ не понравился Екатеринѣ, и она отвѣчала, что онъ «родился отъ свободоязычія».

Изъ всѣхъ придворныхъ Императрицы выходку Фонъ-Визина болѣе прочихъ могъ принять на свой счетъ оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Пріятель Салтыкова и Понятовскаго, онъ былъ принятъ въ короткій кружокъ Государыни, когда она была еще великою княгинею. Вспоминая впослѣдствіи о тогдашнихъ событіяхъ, Екатерина не забыла очертить и Нарышкина: «никто не заставлялъ меня столько смѣяться, какъ онъ. Левъ Нарышкинъ былъ рожденъ арлекиномъ, и если бы не его происхожденіе, то онъ, конечно, нашелъ бы чѣмъ существовать...» Будучи Императрицею, она продолжала забавляться разными продѣлками и шутовскими выходками своего оберъ-шталмейстера, написала на него комедію l'Insouciant [2]) и двѣ шутливыя статейки, которыя еще были неизвѣстны и помѣщены въ V и VI-мъ приложеніяхъ къ настоящему очерку. Однажды Левъ Александровичъ разсказывалъ Императрицѣ, что у попугаевъ языкъ устроенъ, какъ у человѣка. «Je ne savais pas cela — je donnerais à la perruche la survivance de votre charge...» [3]).

---

1) Mémoires de Stanislas Auguste comte Poniatowsky (Leipzig, 1862) стр. 31, 32. Замѣтимъ, что княгинѣ Дашковой было извѣстно объ этомъ письмѣ Императрицы по слухамъ, и она писала къ миссъ Гамильтонъ: «есть мой портретъ, нарисованный, какъ говорятъ, рукой самой Императрицы. По восшествіи на престолъ она писала польскому королю и, разсказывая объ этомъ событіи, увѣряла его, что мое участіе въ этомъ дѣлѣ было ничтожно и что я на самомъ дѣлѣ не больше, какъ честолюбивая сумазбродка. Я не вѣрю ни одному слову въ этомъ отзывѣ и все-таки удивляюсь, какимъ образомъ умная Екатерина могла такъ говорить о бѣдной ея подданной и говорить въ ту самую минуту, когда я доказала ей безграничную преданность и ради ея рисковала головой на эшафотѣ». Memoiren, I, 381.

2) Записки Храповицкаго, въ «Чтеніяхъ общ. ист.» 1862 г., II, стр. 114, 121.

3) Ibid., стр. 6.

«Существовалъ, говоритъ графъ Сегюръ, въ Петербургѣ домъ, который, конечно, не походилъ ни на какой другой — это оберъ-шталмейстера Нарышкина, человѣка очень богатаго, съ именемъ, которое знаменито по родству съ Императорскимъ семействомъ... Онъ пользовался не значеніемъ, но скорѣе величайшимъ расположеніемъ Екатерины II; ее забавляли его странности, она смѣялась надъ его шутовскими продѣлками и распущенностью его образа жизни. Какъ онъ не стѣснялъ никого, а забавлялъ всѣхъ, то ему все спускали и онъ имѣлъ право дѣлать и говорить то, что другому никакъ бы не было дозволено...» [1]). Принцъ де Линь описывалъ, что Нарышкинъ пускалъ во дворцѣ волчокъ, который дѣлалъ взрывъ и ранилъ одного изъ окружающихъ [2]). Наконецъ оберъ-шталмейстера воспѣвалъ Державинъ:

Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ?
....
Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя?
....
Хвалю тебя: ты *въ смыслѣ здравомъ*
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ!

(На рожденіе царицы Гремиславы.)

Вопросъ о шутахъ, шпыняхъ и балагурахъ пришелъ на память Императрицѣ и въ продолженіи «Былей и небылицъ», помѣщенномъ въ IV-й книжкѣ «Собесѣдника». Тамъ говорилось, что дѣдушка (а изъ намековъ самаго автора «Былей и небылицъ» видно, что дѣдушкѣ влагалось въ уста то, что̀ было неудобно высказать отъ своего собственнаго лица) находился въ ворчливомъ расположеніи, повторяя часто упоминаемый здѣсь 14-й вопросъ, и приводилъ примѣры изъ извѣстныхъ событій временъ Петра и Анны Іоанновны:

1) Bibliothèque des mémoires. Mémoires de comte de Ségur, Paris, 1859, I, 361.
2) Ibid., II, Pensées et lettres du maréchal prince de Ligne, 71.

«NB. Отецъ его при домѣ князя цесаря съ ребячества находился, и въ ономъ, вмѣстѣ съ сыномъ князя Ѳедора Юрьевича Ромадановскаго, сказываютъ, будто воспитанъ былъ, гдѣ случаи имѣлъ много о старинѣ слышать. Онъ помнилъ маскерадъ, гдѣ Бахусъ, сидящій на бочкѣ, въ провожаніи семидесяти кардиналовъ, переѣхалъ чрезъ Неву; зналъ также наизусть похожденіе неусыпаемой обители. Дѣдушка часто и много самъ разсказываетъ о свадьбѣ въ ледовомъ домѣ, и о присутствовавшихъ при оной, и какъ весна свистала. Все сіе безъ хемъхема никогда не говорится, понеже у дѣдушки много мокроты на груди, которую не всегда свободно откашливаетъ. Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ — въ шпыньствѣ есть острота» и т. д. [1]).

Въ одной запискѣ къ Дашковой Екатерина пишетъ: «Такъ какъ я возвращаю жалкое произведеніе, которое очевидно вышло изъ подъ пера автора вопросовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь приложить готовый къ напечатанію листъ. Я присоединила только примѣчаніе, которое, можетъ быть, не имѣетъ никакого достоинства...» [2]).

По всей вѣроятности, при этой запискѣ была послана повинная Фонъ-Визина, которая напечатана въ V-й книжкѣ «Собесѣдника» стр. 145 — 152, съ коротенькимъ отвѣтомъ Екатерины и примѣчаніемъ, гдѣ говорится: «ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло — мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!» Что же касается до отвѣта, то онъ сохранился въ трехъ собственноручныхъ спискахъ Екатерины.

ПО РУКОПИСИ [3]).	НАПЕЧАТАНО ВЪ «СОБЕСѢДНИКѢ».
«Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію каившагося, сочинителю «Были и небылитцы» не остается чего ска-	«Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кающагося, сочинителю «Былей и небылицъ» не остается что либо

1) «Собесѣдникъ», IV, 168, 169.
2) Memoiren der Fürstin Daschkoff, I.
3) Орѳографія подлинника.

зать, онъ въ душѣ своей увѣрень, что сей поступокъ сходственъ хвали достойному обычаю православнаго христіянпна по которому за грѣхомъ послѣдуетъ вскоре и покаяніе. но въ семъ случаѣ разрешеніе зависитъ ни отъ кого инаго какъ отъ многоголовной публики ей одной принадлежитъ сказать Богъ проститъ я же вамъ всепокорный слуга по слову евангелскому всегда радуюсь о возвращеніе на пути истинны всякой заблюдшей овцы».	сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ ни отъ кого инаго, какъ отъ многоголовной публики; мое же дѣло тутъ постороннее».

Въ концѣ «Былей и небылицъ» въ V-й книжкѣ «Собесѣдника» есть письмо къ автору отъ одного изъ издателей этого журнала, именно, какъ можно догадываться, Дашковой. Здѣсь «Были и небылицы» осыпаны восторженными похвалами и объявлено, что читатели уже плачутъ, услыхавъ, что въ «Собесѣдникѣ» не будутъ болѣе помѣщаться «Были и небылицы». Екатерина отвѣчала на это въ VI-й книжкѣ «Собесѣдника» (стр. 149—153), прося не расточать ей болѣе такихъ похвалъ. При этомъ ссылка на басню «Ворона и лисица» и на пословицу «кто дѣвушку хвалитъ? Отецъ да мать!» Едва-ли княгиня Дашкова не поняла отвѣта такъ, что Императрица осталась недовольною похвалами именно отъ издателя «Собесѣдника», почему въ то время, какъ печаталась еще VI-я книжка журнала, она послала къ Екатеринѣ новую статью въ формѣ письма къ издателямъ «Собесѣдника» о достоинствѣ «Былей и небылицъ».

«Сію минуту я, писала княгиня Дашкова 29 сентября 1783 года, получила статью, которая написана къ автору «Былей и небылицъ». По прочтеніи вашимъ величествомъ, умоляю васъ возвратить мнѣ, чтобы я могла распорядиться о помѣщеніи ее въ той части, которая нынѣ печатается. Вы видите, Государыня, что мое мнѣніе о «Быляхъ и небылицахъ» не принадлежитъ мнѣ одной и что нашъ журналъ падетъ безъ нихъ. Скажу даже болѣе: насъ покинутъ совсѣмъ, и тѣ, которые мѣ-

шаютъ писателямъ быть нашими сотрудниками, будутъ считать себя болѣе чѣмъ когда либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся имѣть умъ и наклонность къ литературѣ. При полной довѣрчивости, подъ скипетромъ добродѣтельнаго государя и философа, пользуясь при томъ счастіемъ быть въ такихъ отношеніяхъ, какъ я, надобно имѣть очень пресмыкающуюся душу, чтобы бояться кого бы то ни было, но я боюсь сдѣлаться невиннымъ орудіемъ неудовольствій, навлекаемыхъ на честныхъ людей отъ ихъ начальниковъ. Если бы авторъ «Былей и небылицъ» захотѣлъ быть столь благосклоннымъ и сказалъ бы нѣсколько словъ въ ободреніе писателей, то оказалъ бы тѣмъ услугу покорному издателю и въ то же время публикѣ». (Ср. приложеніе XI-е).

Статья, о которой идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, помѣщена въ VI-й книжкѣ «Собесѣдника» [1]) Сочинитель ея, восторгаясь «Былями и небылицами», въ то же время увѣрялъ, что другія статьи журнала (въ которомъ участвовали Державинъ, Фонъ-Визинъ, Капнистъ) возбуждаютъ только скуку и дремоту. Такой отзывъ сдѣлался еще ярче отъ слѣдующаго примѣчанія: «Издатели «Собесѣдника» совершенно согласны съ сочинителемъ въ томъ, что «Были и небылицы» заслуживаютъ похвалу отъ всѣхъ любителей забавныхъ и острыхъ произведеній ума человѣческаго. Сіе совсѣмъ новаго рода сочиненіе, конечно, служитъ къ украшенію сего изданія; чтожъ касается до прочихъ твореній, находящихся въ «Собесѣдникѣ», то на вкусы всѣхъ угодить невозможно, и безъ посредственныхъ сочиненій не будетъ и хорошихъ, почему иногда и не весьма хорошія сочиненія помѣщать въ «Собесѣдникѣ» должно, дабы ободрить молодыхъ сочинителей къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ ихъ предпріятіи.»

Впрочемъ и эта новая похвала Екатеринѣ, какъ автору «Былей и небылицъ», не достигла цѣли, съ которою была написана. Противъ письма къ издателямъ «Собесѣдника» въ VII-й книжкѣ его явилась насмѣшливая статейка, въ которой кстати задѣта личность самого хвалителя:

---

1) Стр. 175 — 177.

«... Мнѣ кажется для читателей и писателей равно опасна прививка стужи, происходящая отъ жидкости частицъ, либо отъ естественнаго хлада. Сей столь прилипчивъ, что посредствомъ бумаги и пера сообщается отъ писателя къ читателю гораздо скорѣе, нежели разобрать можно чтеніемъ намѣреніе писателя; къ сему роду холодной лихорадки соединяются обыкновенно всѣ примѣты: нѣкоторое нетерпѣніе, чесаніе глазъ, неспокойное пребываніе на одномъ и томъ же мѣстѣ, ломаніе палецъ, топтаніе ногой, сжиманіе плечъ и тому подобное»... Статья эта подписана «Каноникъ, извѣстный покровитель «Былей и небылицъ», членъ общества незнающихъ, котораго принятая подпись есть ignorante bambinelli... обыкновенная же надпись текущимъ дѣламъ слово *мимо*». Изъ Записокъ Дашковой [1]) видно, что это былъ псевдонимъ Нарышкина; сейчасъ увидимъ, что этотъ былъ тотъ самый, о которомъ было говорено уже выше.

Въ письмѣ, относящемся по всѣмъ признакамъ ко времени печатанія VIII-й книжкѣ «Собесѣдника» (ср. приложеніе XIII-е), Дашкова писала, между прочимъ, къ Екатеринѣ: «я еще не получала послѣдняго сочиненія Льва Александровича—оно хорошо, и жаль будетъ его опустить». Императрица отвѣчала: «произведеніе оберъ-шталмейстера великолѣпно и всеобъемлюще» [2]).

Въ VIII-й книжкѣ «Собесѣдника», стр. 39—62, помѣщена «Общества незнающихъ ежедневная записка». Вмѣсто подписи автора, въ концѣ ея читаемъ: «скрѣпилъ извѣстный каноникъ». Не имѣя полной черновой рукописи ея, нельзя сказать, вся ли она написана Императрицею, несомнѣнно только, что отрывокъ ея, именно засѣданія съ 23 по 31 число октября [3]) принадлежитъ ей, что̀ удостовѣряетъ писанный ея рукою листокъ, хранящійся въ Публичной петерб. библіотекѣ. Въ Запискѣ общества незнающихъ описаны въ шутливомъ тонѣ занятія во время засѣданій членовъ общества, названнаго Ignoranti Bambinelli. Засѣданія бо̀льшею частію проходятъ въ принятіи членовъ,

1) Memoiren, I, 331.
2) Ibid. I, 334.
3) «Собесѣдникъ», VIII, 44—49.

распредѣленіи будущихъ занятій, писаніи правилъ, какъ принимать членовъ; вопросы, тамъ возникающіе, чаще всего разрѣшаются отвѣтомъ «мимо» или оставляются до будущаго засѣданія. Съ каждымъ засѣданіемъ число присутствующихъ членовъ умалялось. Собраніе раздѣлялось на двѣ палаты: одна — съ чутьемъ, другая — безъ чутья. Первая тотчасъ же постановила, «чтобъ отнюдь и ни подъ какимъ видомъ по воздуху не летать съ крыльями или безъ крыльевъ. NB. Развѣ крылья сами выростутъ, или кто предпріялъ или предприметъ летать, самъ собою оперится», и т. п. Замѣтимъ здѣсь, что Екатериною написана также шутливая статейка, въ которой подробно изложены всѣ качества члена общества незнающихъ. Статейка эта помѣщена въ приложеніи IV-мъ.

Въ то время, какъ писалась и печаталась «Записка общества незнающихъ» была открыта, подъ предсѣдательствомъ княгини Дашковой, Россійская Академія. Первое засѣданіе ея было 21 октября, второе — 28 октября, третье — 11 ноября [1]). Въ эти первыя собранія занимались исключительно избраніемъ новыхъ членовъ и учредили комитетъ (названный, во избѣжаніе иностраннаго слова, *отрядомъ*), «въ которомъ бы установить правила и порядокъ къ сочиненію россійскаго толковаго словаря, который наипаче для россійскаго языка нуженъ, и въ которомъ всѣ названія вещамъ, орудіямъ и проч. доселѣ введенныя въ употребленіе помѣщены быть должны»... Во второе засѣданіе Иванъ Перфильевичь Елагинъ, предложилъ, чтобы члены Россійской Академіи, прежде изданія въ свѣтъ своихъ трудовъ, представляли ихъ на судъ ея, «дабы тѣмъ предохранить честь и славу Академіи». Это предложеніе было отвергнуто княгинею Дашковою, которая съ своей стороны предложила, «чтобы всякой членъ академіи обязанъ былъ мимо ея тѣхъ токмо сочиненій не печатать, кои составляютъ общій трудъ академіи, равномѣрно и всѣхъ тѣхъ, кои до правилъ и исправленія языка россійскаго принадлежать могутъ». Замѣчательно, что въ третьемъ засѣданіи Россійской Академіи

---

1) VIII-я книжка «Собесѣдника», въ которой помѣщена Записка незнающихъ, вышла въ свѣтъ 28 ноября.

нѣкоторые изъ членовъ поставили на видъ, что слѣдуетъ исключить изъ словаря «словенскія слова неупотребительныя или коихъ знаменованія опредѣлить неудобно», потому что «включеніе таковыхъ словъ не сочли бы за странность и *не стали бы смѣяться*». На это княгиня Дашкова возразила: «что завѣдомо лучше нашему обществу разойтися и академіи перестать существовать, ибо нѣтъ сумнѣнія, что бо́льшая часть нашихъ соотечественниковъ не знаетъ своего языка, и *неизвѣстно кому-то* кажется, что и исправленіе онаго не нужно, но намъ должно противустоять *насмѣшкамъ* и невѣжеству и съ прилежностью продолжать предпринимаемое нами для пользы и славы нашего слова»... [1]).

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что протоколы общества незнающихъ были пародіею на засѣданія только что основанной Россійской Академіи.

Державинъ [2]) разсказываетъ, что во время изданія «Собесѣдника», въ *палатѣ съ чутьемъ*, при Императрицѣ, Л. А. Нарышкинъ голосомъ и съ ухватками Дашковой, сказалъ рѣчь, которая для нея сочинена была кѣмъ-то другимъ и которую она произнесла при открытіи Россійской Академіи. Княгиня тѣмъ обидѣлась, почему, по словамъ Державина, и лишилась права быть членомъ шутливаго общества, но за то получила отъ Екатерины въ утѣшеніе 25,000 рублей для постройки дачи. Дашкова, какъ видно изъ другихъ современныхъ разсказовъ, и послѣ никогда не ладила съ Нарышкинымъ. «Дашкова съ Львомъ Александровичемъ, говорила Императрица Храповицкому, въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла — ссора за пять саженъ земли». Въ концѣ 1787 и началѣ 1788 года дворъ забавлялся распрею ихъ, доходившею до судебнаго раз-

1) Подлинные протоколы засѣданій Россійской Академіи, хранящіеся въ комитетскомъ архивѣ Академіи Наукъ.

2) «Объясненія на сочиненія Державина» изд. Ѳ. Львова, Спб. 1834 г., I, 22, 23. Замѣтить при этомъ должно, что Державинъ, диктуя эти объясненія, вѣроятно полагался на память и не справлялся съ книгами. Отъ этого у него «Были и небылицы» названы Разговорами дѣдушкиными, а общество незнающихъ — палатою съ чутьемъ, о которой упомянуто въ запискѣ, скрѣпленной каноникомъ.

бирательства, и поводомъ которой были свиньи Нарышкина, пойманныя и побитыя въ саду Дашковой. Императрица не разъ забавлялась этимъ дѣломъ и приказывала его скорѣе кончить, «чтобъ оно не дошло до смертоубійства». Нарышкинъ, встрѣчая Дашкову при дворѣ говаривалъ: «elle est sanglante encore du meurtre de... mes cochons!»... По поводу этой же ссоры Дмитріевъ-Мамоновъ замѣтилъ, что когда найдутъ квадратуру круга, тогда и Дашкова помирится съ Нарышкинымъ [1]).

Нѣкоторыя изъ уцѣлѣвшихъ писемъ Дашковой и двѣ записки Екатерины, напечатанныя въ мемуарахъ первой, подтверждаютъ слова Державина относительно насмѣшекъ Нарышкина надъ Россійскою Академіею.

Утромъ 16 ноября 1783 г. (за 5 дней до выхода VIII-й книжки «Собесѣдника») Императрица писала къ Дашковой: «я прошу васъ, милостивая государыня, прислать мнѣ переписку такъ называемаго портнаго (см. приложеніе III-е) и все, что̀ я къ вамъ посылала и что̀ еще не напечатано» [2]).

«Имѣю честь возвратить вашему величеству», отвѣчала Дашкова, «требуемыя вами бумаги. Ка̀къ мнѣ кажется, что ваше величество намѣреваетесь не помѣщать ихъ болѣе въ нашемъ журналѣ, то умоляю васъ, государыня, не дѣлать этого и прислать мнѣ сочиненія Каноника — я напечатаю ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Я въ отчаяніи, если дурно, какъ видно, выразилась, потому что, увѣряю васъ, только послѣ двукратнаго разговора самого г. Каноника я не могла удержаться отъ совѣта ему, что̀ долженъ знать авторъ, вступающій на литературное поприще. Умоляю васъ вѣрить мнѣ, что я не могу быть спокойна, пока буду считать себя малѣйшею помѣхою вашихъ развлеченій. Ваше величество окажите мнѣ милость, приславъ ко мнѣ протоколъ г. Каноника [3]). Заклинаю въ томъ ваше величество. Я бы сама явилась умолять васъ о

---

1) Записки Храповицкаго въ Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи 1862 г., кн. II, 44, 127, 165; Mémoires sur la Russie par Masson, Amsterdam, 1800, II, 140.

2) Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 323.

3) Изъ этого мѣста письма ясно, что Нарышкинъ написалъ было продолженіе Записки общества незнающихъ, но оно, какъ видно, изъ послѣдующихъ книжекъ «Собесѣдника», тамъ напечатано не было.

томъ, если бы не удерживали меня въ постелѣ боль въ горлѣ и сильная лихорадка. Удостойте, государыня, соизволить на мое прошеніе и доказать тѣмъ, что я, невинная въ этой распрѣ, вовсе не имѣла возможности сдѣлать вамъ неугодное (ср. приложеніе XVI-е)».

«Между присланными вами, милостивая государыня, бумагами», писала въ другой разъ Императрица, «я старалась отыскать одну, которой не нашла: она кончается словами: le ris tenta le rat etc., поэтому прошу васъ отыскать ее и прислать мнѣ въ возможной скорости. Что касается опыта моего друга Каноника, то я ничего не могу сдѣлать, не посовѣтовавшись съ нимъ. Такъ какъ ему никогда не приходило въ голову мысли обидѣть какое либо человѣческое существо, что̀ довольно ясно видно изъ его шутливаго тона, то онъ, конечно, не нарушитъ правила, которое вы ему преподали. Искренно сожалѣю, узнавъ, что вы не совсѣмъ здоровы» [1]).

Изъ слѣдующаго письма Дашковой видно, что вся эта переписка происходила 16 ноября: «я не могла послать къ вашему величеству требуемую статью (которая кончалась: le ris tenta etc. [2]), потому что она уже была списана мною и три дня тому назадъ отдана въ печать. Еще разъ умоляю васъ, государыня, успокоить меня, оправдавъ меня. Повѣрьте, что только послѣ двукратнаго разговора я не могла, не будучи лживою, что̀ не въ моемъ характерѣ, удержаться и не высказать того, что я высказала. Заклинаю ваше величество возвратить мнѣ бумаги, которыя взяли вы сегодня утромъ, и приказать о продолженіи протокола Каноника. Я никогда не считала этого серьёзнымъ: ваше величество можете припомнить, что въ продолженіи трехъ недѣль, когда доходили до меня слухи *о мнѣніи въ публикѣ, что надсмѣхаются надъ возникающею акаде-*

1) Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 327.

2) Названная письмомъ отъ неизвѣстнаго, она помѣщена въ VIII-й книжкѣ «Собесѣдника» стр. 152 — 155; это пародія на сочиненіе Любослова «Начертаніе о Россійскихъ сочиненіяхъ и Россійскомъ языкѣ». Покойный Добролюбовъ справедливо замѣтилъ, что въ этой статьѣ есть много замѣтокъ основательныхъ, и видно, что Любословъ занимался серьезно Филологіею; но онъ писалъ тяжело, напыщенно и притомъ находилъ много ошибокъ противъ языка въ «Собесѣдникѣ», за что̀ нѣсколько разъ и подвергался осмѣянію отъ Императрицы.

міею, я, далекая отъ того, чтобы обращать на это вниманіе, сама шутила и часто диктовала Канонику. Припоминаю теперь, что ваше величество говорили мнѣ третьяго дня, что будто бы я разсердилась на Морозова [1]) и что вы можете изъ того заключить о дурномъ моемъ расположеніи, а потому я должна высказать вашему величеству истину. Я не знаю вовсе Морозова, и онъ только одну почти меня щадилъ въ своихъ критикахъ — изъ чего ваше величество можете заключить, что я не могла на него сердиться, и потому напрасно мнѣ приписывали это чувство. Такъ какъ я никогда не была равнодушна ко всему, чтобы ни касалось васъ, то ваше величество въ состояніи легко понять, какъ должна я огорчаться тѣмъ, что навлекла на себя неудовольствіе ваше въ дѣлѣ, котораго я не могла ни предвидѣть, ни предотвратить и въ которомъ, напротивъ, думала показать простосердечіе. Дѣло это, впрочемъ, при разсмотрѣніи его, окажется ничтожнѣе производимыхъ имъ послѣдствій. Ради Бога забавляйтесь и не думайте, чтобы у меня было когда либо въ мысляхъ препятствовать тому, что можетъ васъ развлекать. Напротивъ, заклинаю ваше величество велѣть продолжать засѣданія и протоколъ (общества незнающихъ). Это докажетъ, что шутка не могла и не должна была имѣть серьёзныя послѣдствія. Что могу я сдѣлать, государыня, чтобы доказать вашему величеству одинъ разъ навсегда, что вы всегда есть и были для меня первымъ предметомъ? Тогда, государыня, не могло бы возникать недоразумѣній между вашимъ величествомъ и мною, и никакое внушеніе или обманчивая наружность не подали бы повода огорчать совершенно вамъ преданное сердце. Съ этими то чувствами имѣю честь быть и проч. (Сравни приложеніе XVII-е).

---

1) Это лицо мнѣ неизвѣстно. Въ спискѣ лицъ, служившихъ въ 1783 г. въ Кабинетѣ при собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ Императрицѣ челобитенъ, есть одинъ Иванъ Морозовъ, состоявшій при извѣстномъ по своимъ памятнымъ запискамъ Храповицкомъ. Можетъ быть, этотъ же Морозовъ 28 ноября 1780 избранъ членомъ Вольнаго Россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ. Въ «Росписи Россійскимъ книгамъ» Смирдина (№№ 1598 и 1231) Ивану Морозову приписаны переводы съ нѣмецкаго «Сокращеніе всѣхъ наукъ», М. 1781 г. и «Философическое разсужденіе о перерожденіи животныхъ», М. 1787 г.

Не смотря на эти изъявленія Дашковой и ея просьбы, Императрица не возвратила въ редакцію «Собесѣдника» продолженія «Былей и небылицъ» — оно до сихъ поръ сохранилось въ собственноручныхъ черновыхъ рукописяхъ Екатерины и помѣщено при настоящемъ очеркѣ въ приложеніи III-мъ. По видимому, въ IX-й и слѣдующихъ книжкахъ «Собесѣдника» до послѣдней (т. е. до XVI-й) не помѣщалось болѣе шутливыхъ сочиненій государыни; нѣсколько же сатирическихъ статеекъ, которыя тамъ попадаются, были какъ бы продолженіемъ и подражаніемъ «Былей и небылицъ». По крайней мѣрѣ Дашкова возвратила всѣ, бывшія у нея рукописи Императрицы при слѣдующемъ письмѣ, очевидно относящемся къ тому же времени, какъ и переданныя выше:

«Имѣю честь представить вашему императорскому величеству требуемыя вами отъ меня бумаги, которыя пропустила послать вамъ, потому что онѣ лежали въ другомъ портфелѣ: я, будучи въ постелѣ, не имѣла его подъ рукою. Ожидаю вашихъ повелѣній о продолженіи русской исторіи [1]). Присоединяю къ тому нѣмецкій альманахъ. Впрочемъ умоляю вѣрить, что никто никогда не превзойдетъ меня въ привязанности къ вашей священной особѣ и что вся моя жизнь будетъ постояннымъ стремленіемъ высказывать вамъ мою почтительную привязанность и проч. (ср. приложеніе XVIII-е).

Вотъ какимъ разладомъ изъ за Нарышкина кончилось сотрудничество Екатерины въ «Собесѣдникѣ». Выше было уже замѣчено, что Императрица охладѣла къ Дашковой вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ. Не смотря на то, Екатерина, по своему обычаю, не выказывала этого, напротивъ, по возвращеніи княгини изъ путешествія по Европѣ, приняла ее прекрасно, жаловала деньгами и помѣстьями. Дашкова, какъ видно изъ ея Записокъ, продолжала однако и послѣ того казаться обиженною и непризнанною. Екатерина, съ своей стороны, въ кругу своихъ приближенныхъ постоянно отзывалась неблагопріятно о бывшей своей повѣренной. Разговаривая

---

1) Т. е. Записокъ о Русской исторіи, которыя Екатерина помѣщала въ «Собесѣдникѣ» и послѣ размолвки съ Дашковою.

однажды о ней, Императрица отдавала ей справедливость въ томъ, что она имѣетъ познанія и умнѣе многихъ мужчинъ; но дивилась, что никто ее не любитъ, даже дочь, въ нынѣшнихъ недостаткахъ и бывъ подъ опекою, не соглашается жить съ матерью. «Она ни съ кѣмъ не уживется, говорила Екатерина въ другой разъ, je peux m'accommoder de tous les caractères. Je suis comme Alcibiade à Sparte et dans Athenes...» Храповицкій также разсказываетъ, что Императрица написала пословицу «За мухой съ обухомъ» — тутъ очень ясно между Пострѣловымъ и Дурындиной описана тяжба княгини Дашковой съ Нарышкинымъ. Когда пьеса была переписана на бѣло, то Императрица призналась, что надобно смягчить суровость именъ и выкинуть хвастовство Пострѣловой о вояжахъ [1]).

Въ нѣсколькихъ книжкахъ «Собесѣдника» велась еще одна полемика, также стоющая вниманія по участію, которое принимали въ ней Императрица и княгиня Дашкова.

Въ III-й книжкѣ «Собесѣдника» (стр. 167—172) помѣщено письмо къ сочинителю Записокъ о Россійской исторіи, гдѣ, послѣ разныхъ похвалъ его историческому такту, сообщается, что профессоръ, учившій автора письма *въ Лейденѣ*, чрезвычайно пространно преподавалъ политическую исторію, такъ что онъ всего курса не дослушалъ: «батюшка мой, которому мои политическія ученія дорого становились, (меня) сюда поворотилъ».

«Мудрымъ наставленіемъ профессора я, продолжаетъ авторъ письма, обязанъ однакожъ вкусомъ къ политикѣ, который я послѣ того не пересталъ имѣть. Я цѣлыя стопы исписывая учрежденіевъ, но про нихъ здѣсь и говорить боюсь. Дѣдушка мой мнѣ все твердитъ, что здѣсь умничать не надо; но какъ кажется знать и не сообщать свои знанія! Какъ писать и не читать никому своихъ писаній! Мнѣ кто-то сказывалъ, что и вы въ сей части довольно упражняетесь. Люди, которые васъ знаютъ, утверждаютъ, что вы весьма много уже и въ свѣтъ таковыхъ сочиненій пустили, коихъ слѣдствія чувствительны. Конечно дѣдушка вашъ моего отважнѣе, или вы имѣете на то

---

1) Записки Храповицкаго въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. 1862, кн. III, 187, 201 и II кн., 124.

способы, мнѣ неизвѣстные. Сообщите мнѣ пожалуйте оные, если вы мнѣ въ томъ откажите, то увидите, какъ я вашу вторую тетрадку цѣнить буду. Я вѣдь не такъ пишу, какъ вы — мнѣ лишнія слова ничего не стоятъ, такъ меня больше, нежели васъ, читать будутъ. Эй, не будемъ ссориться! мы, мнѣ кажется, во многомъ полезны другъ другу быть можемъ. Уже и по этому письму судите, сколько я вамъ добра могу сдѣлать. Простите до будущаго «Собесѣдника!»

Это письмо осталось безъ отвѣта отъ автора «Былей и небылицъ», но за то тамъ [1]) есть выходка противъ одного сочинителя, помѣстившаго въ III-й книжкѣ «Собесѣдника» статью, наполненную иностранныхъ оборотовъ. Дѣдушкѣ попалась эта книжка журнала: «онъ, раскрывъ ее не вовсе, прочелъ по середкѣ нѣсколько строкъ, кинулъ объ землю сію нравоучительную книгу, служащую къ очищенію языка, исправленію вкуса и иныхъ добродѣтелей, и съ великимъ сердцемъ сказалъ: терпѣть не могу!... Терпѣть я не могу того, что писавъ по русски, кто думалъ на иностранномъ языкѣ; ибо читая по русски, мысли и обороты иностраннаго языка какъ (въ рукописи вѣрно: *намъ*) русакамъ кажется сунбуръ несносный. Сіе мнѣ привело на память косыхъ красавицъ, коихъ я и съ молоду никогда не любилъ, и которыхъ по двойномъ взглядѣ я судилъ быть двуязычными...»

Около того времени, какъ VI-я книжка «Собесѣдника» оканчивалась печатаніемъ и приступали къ изданію VII-й, княгиня Дашкова писала, между прочимъ, къ Екатеринѣ (ср. приложеніе XII-е):

«Какъ издательница «Собесѣдника», я получаю всѣ хорошія и дурныя статьи, а потому вынуждена также приложить при семъ дошедшую въ эту минуту статью, которая обращена къ автору «Былей и небылицъ». Говорятъ, что она принадлежитъ графу Румянцову, но мнѣ это передано по секрету, и я узнала о томъ стороною». Дашкова спрашивала, должна ли быть напечатана эта статья? Екатерина отвѣчала сначала: «что касается статьи г. Р., я на ней написала большими буквами: въ

1) «Собесѣдникъ» IV, 171 — 172.

сторону» [1]). Въ другой запискѣ Императрицы говорится, что она возвращаетъ письмо къ автору «Былей и небылицъ» и что его, конечно, можно напечатать [2]).

Въ VII-й книжкѣ «Собесѣдника» (стр. 164 — 177) помѣщено письмо къ автору «Былей и небылицъ», въ которомъ говорится ему: «съ вами все таки, сударь, еще переписываться можно. Вы по крайней мѣрѣ на письма отвѣчаете, а какъ есть у васъ товарищъ, г. сочинитель Записокъ о Россійской исторіи, такъ отъ того даже и о полученіи письма не дождешся отповѣди, но кто не имѣетъ своихъ привычекъ!» Послѣ такого приступа въ письмѣ слѣдуютъ упреки за то, что въ «Быляхъ и небылицахъ» никогда еще не затрогивались тщеславные, и признаніе, что сочинитель письма попалъ въ число тѣхъ, которые были описаны въ «Быляхъ и небылицахъ»: «вы, сказываютъ, что-то въ четвертой части и противъ меня промолвили; однакожъ я этого не отъискалъ, да полно кто узнать себя согласится?» Въ концѣ письма подписаннаго: «ни одной звѣзды во лбу не имѣющій», просьба о напечатаніи въ «Быляхъ и небылицахъ» статьи о Петрѣ Великомъ. Здѣсь этотъ государь превознесенъ похвалами и повидимому съ намѣреніемъ задѣть самолюбіе Императрицы. Такъ при исчисленіи заслугъ Петра Великаго, она называется «порожденіе Петрово», а далѣе сказано: «да ежели и оставалось премудрости Екатерины утвердить гражданское наше положеніе, то мы не можемъ не усмотрѣть изъ намѣреній сего государя, что одна тяжкая и долговременная война его лишь въ томъ попеченія насъ лишила».

1) Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 327, 328.

2) Помѣщаю это письмо вполнѣ, признаваясь, что смыслъ его для меня остался непонятнымъ: «Mon coeur — я получила ваше письмо со всѣми прекрасными приложеніями. Отчетъ, вмѣстѣ съ перечнемъ рукописей, я принуждена просить удержать на нѣкоторое время, чтобы можно было прочесть на досугѣ, которымъ я не могу располагать. Возвращаю вамъ письмо къ автору «Былей и небылицъ», которое конечно можетъ быть напечатано, но только не такъ — замѣчаете вы – чтобы названный авторъ разсорился съ лебедемъ, поющимъ лебединую пѣснь. Мимоходомъ сказать объ имени этого автора я никогда не сомнѣвалась. Посылаемый мною черновой листокъ долженъ имѣть поэтому преимущество въ журналѣ передъ одою-исповѣдью моего друга лебедя, въ силу чего авторъ «Былей и небылицъ» можетъ объявить, что тѣмъ кончаются всѣ дальнѣйшіе споры объ этомъ предметѣ. Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 337, 338.

Что̀ подобныя похвалы Петру не нравились «Собесѣднику», то всего лучше свидѣтельствуетъ выноска при сейчасъ выписанномъ мѣстѣ, сдѣланная отъ имени наборщика: «о семъ (т. е. объ утвержденіи нашего гражданскаго положенія) ни единый человѣкъ, имѣющій чувства не поврежденныя, не можетъ усумниться: безсмертныя дѣянія Екатерины то ясно доказываютъ».

Отвѣтъ Императрицы отличается особенною рѣзкостью. «Не моему перушку передѣлать, переломить убавить что въ свѣтѣ водится... Буде я васъ задѣлъ не нарокомъ, то оттого вамъ лихо не послѣдовало. Письмо ваше явствуетъ, что вы здравы пребываете и, вооружаясь противъ тщеславія другихъ, сами желаете прославиться. Сей запахъ человѣчества меня не болѣе удивляетъ, какъ и требованіе ваше внести въ «Были и небылицы» предисловіе къ исторіи, хотя то многимъ несообразно казаться будетъ...» [1]).

Этимъ отвѣтомъ однако не удовольствовались. «Имѣю честь препроводить къ вашему величеству, писала Дашкова 26 октября (конечно 1783 года), разборъ статьи о Петрѣ Великомъ, присланной при письмѣ къ автору «Былей и небылицъ». Мнѣ кажется, что сочинитель его получитъ добрый урокъ [2]). Но я умоляю васъ просмотрѣть, не придется ли перемѣнить или прибавить что нибудь. Эта статья (т. е. разборъ) будетъ напечатанъ въ VIII-й книжкѣ, къ печатанію которой приступятъ завтра. VII-й томъ окончится послѣ завтра, и съ воскресенья мы будемъ готовы печатать продолженіе исторіи, если будетъ вамъ, государыня, угодно передать мнѣ его...» (См. приложеніе XIV-е).

Между записками Екатерины къ Дашковой находимъ одну, по всей вѣроятности служащую отвѣтомъ предъидущему письму: «Возвращаю къ вамъ статью, которая дѣйствительно превосходна: нѣтъ тамъ ничего лишняго, ничего, что̀ было бы

---

1) «Собесѣдникъ» VII, 179 — 180.

2) Приведемъ здѣсь кстати одну замѣтку о себѣ Дашковой, которая объясняетъ, почему такъ не нравилась ей статья о Петрѣ Великомъ: «я чувствовала невыразимую досаду, когда на счетъ Императрицы до небесъ возносили Петра I. Я не сдерживала своихъ чувствъ въ этомъ отношеніи и, можетъ быть, иногда выражала ихъ слишкомъ горячо...»

пропущено. Послѣ завтра рѣшимъ объ исторической статьѣ для VIII-й части» [1]).

Въ VIII-й книжкѣ «Собесѣдника» находимъ разборъ письма къ сочинителю «Былей и небылицъ», подъ заглавіемъ «Прошеніе къ господамъ издателямъ «Собесѣдника» (стр. 26—33)».

Здѣсь критикъ говоритъ о незнаніи авторомъ письма русскаго языка и намекаетъ, что о немъ шла рѣчь въ «Быляхъ и небылицахъ», помѣщенныхъ въ IV-й книжкѣ «Собесѣдника», на стр. 172, гдѣ дѣйствительно выведено лицо, которое, «писавъ по русски, думало на иностранномъ языкѣ». Вообще весь разборъ отличается бранчивымъ тономъ и кончается намекомъ на *знатнаго* автора, который осмѣлился хвалить Петра Великаго:

Иные спать ложась, боялись въ старину,
Чтобъ утромъ не страдать за чью нибудь вину;
Однакожъ иногда тѣ вѣкъ тотъ похваляютъ,
А новы времена неправедно ругаютъ.
Хотя покойно мы теперь ложимся спать,
Не опасаяся невинно пострадать;
Но если *знатный рабъ*, какъ будто сумасшедшій,
Нашъ новый вѣкъ бранитъ, а хвалитъ вѣкъ прошедшій,
Тогда ему подлецъ и умный, и дуракъ,
Съ поклономъ говоритъ: конечно, сударь, такъ!

За этой критикой послѣдовала другая, написанная уже самою Дашковою. «Препровождаю», писала она къ Екатеринѣ, «небольшу юстатейку, которую хочу помѣстить въ IX-й книжкѣ, если ваше величество найдете ее удовлетворительною. Я прикрылась именемъ разнощика для того, чтобы не узнали моего слога. Желала бы также, чтобы ничего не было извѣстно до тѣхъ поръ, пока не выдетъ въ свѣтъ книжка, потому что *его братъ* прочелъ уже критику въ VIII-й книжкѣ, и раскритикованный авторъ также о томъ знаетъ. (См. приложеніе XIX-е).

«Читая статью разнощика, я», отвѣчала Дашковой Екатерина, «готова была бы побожиться, что она вышла изъ подъ моего пера, такъ кажется она вѣрнымъ сколкомъ моихъ пріемовъ писать. Что же касается до вашей критики, то она столько же справедлива, сколько и строга, но берегитесь отвѣта.

---

1) Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 334.

Чтобы вы были совершенно обезпечены, я намѣрена наложить запрещеніе на всѣ попадающіеся въ мои руки листы, но не очень легко хранить въ тайнѣ такія вещи, которыя уже напечатаны...» [1]).

Въ IX-й части «Собесѣдника» (стр. 7—16), при письмѣ къ издателямъ, приложены «Краткія записки разнощика». Въ началѣ тамъ достается Любослову, который, какъ замѣчено уже выше, не разъ подвергался насмѣшкамъ въ «Собесѣдникѣ». Далѣе разнощикъ разсказываетъ, что онъ, собирая долги съ знатныхъ, часто принужденъ цѣлые часы проводить въ ожиданіи въ переднихъ, почему ему и вспало въ голову записывать все слышанное тамъ. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе разговора въ домѣ «одного знатнаго и богатаго господина». Этотъ послѣдній имѣетъ *титулъ графа* и расхваливаетъ автора письма къ сочинителю «Былей и небылицъ» съ подписью «ни одной звѣзды во лбу не имѣющій»; но гости возражаютъ, стараясь выставить незнаніе авторомъ русскаго языка. При разныхъ насмѣшливыхъ предположеніяхъ, кто бы могъ написать статью о Петрѣ Великомъ, одни говорили, что это должно быть священникъ, другіе — что маленькій чиновникъ изъ таможни. «Какъ это, вскричалъ *графъ* (хозяинъ), quelle pauvreté! какъ можно такъ *бласфемировать!* Тогда хоть не вовсе храброю выступкою, но чтобъ защитить выговоренное, прежде говорившій прочелъ изъ книги самыя того сочинителя израженія: «можно сказать, что вездѣ духа его клеймо чувствительно!...»

На основаніи упоминанія о графѣ Румянцовѣ въ письмѣ княгини Дашковой, а также изъ послѣднихъ намековъ въ критикѣ о графѣ и его братѣ, думаю, что здѣсь идетъ дѣло о которомъ либо изъ графовъ Румянцовыхъ: Николаѣ, извѣстномъ впослѣдствіи канцлерѣ и покровителѣ ученыхъ, или братѣ его Сергѣѣ. Изъ анонимныхъ статей, на которыя такъ напали въ «Собесѣдникѣ», видно, что авторъ ихъ слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ и занимался древнею исторіею подъ руководствомъ профессора, излагавшаго ее чрезвычайно пространно. Академикъ А. А. Шифнеръ входилъ объ этихъ об-

1) Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 338.

стоятельствахъ въ переписку съ библіотекаремъ сейчасъ названнаго университета г. Плейгерсомъ (Pluygers), и этотъ увѣдомилъ его, что дѣйствительно въ Лейденѣ, именно въ 1774 г., изучали права графы Николай и Сергѣй Румянцовы, первый 21-го года, второй 20-ти лѣтъ, и что они быть можетъ слушали частный курсъ древней исторіи у Давида Рункеніуса. Авторомъ помянутыхъ статей въ «Собесѣдннкѣ» долженъ быть графъ Николай Петровичь, потому что, какъ видѣли выше, изъ одного письма княгини Дашковой къ Императрицѣ можно замѣтить, что критику въ VIII-й книжкѣ «Собесѣдника» сначала прочиталъ братъ автора: графъ Сергѣй Петровичь въ это время былъ въ Петербургѣ камергеромъ при дворѣ и стало быть былъ въ состояніи узнать о критикѣ прежде брата, который былъ въ то время при дипломатическомъ постѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Гр. Николай Петровичь точно любилъ и исключительно употреблялъ французскій языкъ. Объ этомъ сохранилось извѣстіе въ личныхъ воспоминаніяхъ миссъ Уильмотъ, помѣщенныхъ при Запискахъ Дашковой же [1]: тамъ замѣчено о гр. Румянцовѣ, когда онъ уже управлялъ при Императорѣ Александрѣ I иностранными дѣлами: «этотъ министръ совершеннно офранцузился, такъ что всѣ свои дѣловыя распоряженія писалъ на французскомъ языкѣ, а потомъ ихъ переводили на русскій его секретари...»

Собственноручныя рукописи «Былей и небылицъ» Императрицы писаны на четверткахъ почтовой бумаги, по бо́льшей части на оборотѣ одной страницы. Объ этомъ упоминается въ самыхъ «Быляхъ и небылицахъ», именно: «Вопросъ. Примѣтилъ ли когда писатель на какомъ ловчѣе чего писать? Важное примѣчаніе. Въ «Быляхъ и небылицахъ» завѣрно знаю изъ опытовъ, что пишутся гораздо свободнѣе на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, нежели на большомъ листѣ. Кто сему знаетъ

1) Memoiren der Fürstin Daschkoff, II, 270.

причины, награжденіе обѣщаю, а именно полъ-листа почтовой бумаги, болѣе того не дамъ» [1]).

Нѣкоторыхъ статей «Былей и небылицъ» въ «Собесѣдникѣ» не достаетъ въ рукописяхъ. Во II-й книжкѣ, на стр. 146 — 149, изображеніе нерѣшительнаго, котораго не сохранилось въ рукописи. Въ печатномъ есть разсказъ о двоюродномъ братѣ, у котораго скупая жена; въ рукописи же онъ называется дядюшкою. Противъ печатнаго въ рукописи не находимъ: о кумѣ изъ Архангельска [2]), также окончанія, гдѣ идетъ рѣчь о женщинѣ притворщицѣ, объ охотникѣ развѣдывать новости и о вліяніи погоды на расположеніе духа [3]).

Въ III-й книжкѣ «Собесѣдника» въ «Быляхъ и небылицахъ» нѣтъ намековъ на личности, и въ рукописяхъ уцѣлѣли всѣ статьи.

Въ IV-й книжкѣ «Собесѣдника» изъ «Былей и небылицъ» не сохранились въ рукописи: отвѣта на вопросъ о томъ, что никто не вѣритъ, будто бы у автора «Былей и небылицъ» нѣтъ дѣдушки [4]) и примѣчанія о другѣ И. И. И. (критики), восхищавшемся первымъ вопросомъ Фонъ-Визина [5]).

Въ V-й книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена въ «Быляхъ и небылицахъ» «задача», которой въ рукописи нѣтъ [6]). За то въ послѣдней находимъ продолженіе «Былей и небылицъ», которое почему-то не вошло въ «Собесѣдникъ». Оно помѣщено у насъ въ приложеніи II-мъ.

Изъ статей «Былей и небылицъ», помѣщенныхъ въ VI-й книжкѣ «Собесѣдника», нѣтъ въ рукописи: о друзьяхъ И. И. И. и А. А. А. [7]), окончанія [8]), а изъ «Кратко-длиннаго отвѣта» (стр. 147) есть только начало.

Статей, напечатанныхъ въ VII-й книжкѣ «Собесѣдника» на стр. 124 — 128, 136 — 137, а въ VIII-й книжкѣ на стр. 170 — 176, въ рукописи также нѣтъ.

---

1) «Собесѣдникъ», 1783 г., VI, 146.
2) «Собесѣдникъ» II, 152 — 155.
3) Ibid., стр. 159 — 164.
4) Ibid., IV, 158 — 159.
5) Ibid., IV, 165 — 167.
6) Ibid., V, 141 — 142.
7) Ibid., VI, 136 — 144.
8) Ibid., VI, 149 — 153.

Въ собственноручныхъ статьяхъ Императрицы встрѣчаются часто неправильныя выраженія, германизмы и ошибки противъ русскаго языка. Въ настоящемъ очеркѣ приведено нѣсколько шутливыхъ намековъ на то самой Екатерины Здѣсь напомнимъ еще одну подобную выходку ея: «признаюсь, что раскрывъ вторую часть «Собесѣдника» и отъпскавъ «Были и небылицы», оныя прочелъ въ угодность самолюбію какъ водится, хотя почти оныя наизусть знаю, а грамматикальныя поправки я не читалъ и отнюдь ими не исправленъ. Надѣяться можно, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ [1]).

....«Ты не смѣйся», говорила однажды Императрица состоявшему при ея Кабинетѣ Грибовскому, «надъ моей русскою орѳографіею. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна! Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». Впрочемъ, замѣчаетъ Грибовскій, государыня говорила по русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала» [2]).

При корректурѣ или перепискѣ собственноручныхъ статей Императрицы дѣлались поправки и иногда измѣненія, впрочемъ не касавшіяся мысли автора и даже бóльшей части его оборотовъ. (Также поступлено и мною при перепечаткѣ русскихъ статей Екатерины II въ приложеніяхъ I, II и III). Чтобы судить о томъ, въ приложеніи VII-мъ помѣщенъ отрывокъ, списанный съ точностью съ рукописи Императрицы, и для сравненія съ нимъ тотъ же отрывокъ, какъ онъ явился напечатаннымъ въ «Собесѣдникѣ».

Извѣстно, что Екатерина хотѣла попробовать писать стихи, но безъ успѣха. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ царедворцевъ того вѣка, принцъ де Линь, въ одномъ изъ своихъ писемъ (7 іюня 1787 года), которыми такъ славился, разсказывалъ, что одна-

---

1) «Собесѣдникъ», III, 132.
2) Записки Грибовскаго, Москва, 1847 г., стр. 41.

жды во время путешествія въ Крымъ Императрица спросила: «какъ пишутъ стихи? Объясните мнѣ это на письмѣ, графъ Сегюръ». Онъ набросалъ правила съ прелестными примѣрами, и вотъ она принялась за работу и написала шесть стиховъ, но съ такими ошибками, что мы всѣ трое много смѣялись. Тогда Екатерина сказала принцу де Линь: «чтобы васъ наказать за насмѣшки надо мною, пишите сейчасъ сами стихи; я же не буду болѣе пробовать — мнѣ это опротивитъ на всю жизнь». Де Линь, не медля много, въ минуту написалъ на заданныя риѳмы мадригалъ Императрицѣ. Она вспомнила о томъ въ Бахчисараѣ и сказала Сегюру и де Линю: «Ахъ, господа, я пойду запрусь, и вы увидите». Вотъ только что̀ принесла потомъ государыня, такъ какъ далѣе у ней не клеилось:

Sur le sopha du khan, sur des coussins bourrés
Dans un kiosque d'or, de grilles entourés... [1]).

Между рукописями Императрицы сохранились два листа, на которыхъ, со множествомъ помарокъ, рукою ея написано по нѣскольку стиховъ. На одномъ примѣчанія и четверостишіе рукою принца де Линя, на другомъ правила, какъ писать александрійскіе стихи, вѣроятно тѣ самыя, о которыхъ говоритъ онъ. Въ нихъ дѣйствительно всѣ примѣры состоятъ изъ стихотворныхъ похвалъ и обращеній къ Екатеринѣ. Въ запискахъ графа Сегюра есть также свидѣтельство, что онъ училъ Императрицу, какъ писать стихи [2]). Оба помянутые листа помѣщены при настоящемъ очеркѣ въ приложеніи VIII-мъ.

Въ приложеніи IX-мъ напечатана эпитафія любимой левретки Императрицы. Въ рукописи она списана неизвѣстною рукою; на оборотѣ листа есть нѣсколько строкъ, написанныхъ самою Екатериною и любопытныхъ потому, что въ нихъ очерченъ собственный ея взглядъ на самоё себя; здѣсь же помѣщено нѣсколько отрывковъ, писанныхъ Екатериною по французски и по русски на лоскуткахъ бумаги. Въ перепечаткѣ этихъ отрывковъ соблюдено у насъ вполнѣ правописаніе подлинника.

---

1) Bibliothèque des mémoires, T. XX. Correspondances et pensées du prince de Ligne, стр. 76.
2) Ibid. Mémoires du comte de Ségur, 34.

Въ приложеніи X-мъ помѣщено письмо Императрицы къ Фридриху Великому; оно касается знаменитаго Наказа Екатерины II. Г. Кераръ, въ своемъ сочиненіи Les Supercheries littéraires devoilées (T. I, 209), говоритъ, что первый, нашедшій и указавшій заимствованія въ этомъ произведеніи изъ Монтескьё и Беккаріа, былъ Бёшо (Beuchot). Настоящее письмо доказываетъ, что это сдѣлано ранѣе и при томъ самою государынею, которая и не думала выдавать за свое этихъ заимствованій. При этомъ кстати замѣтимъ, что г. Кераръ рѣшительно говоритъ въ своемъ трудѣ, что французскія произведенія Императрицы писаны кѣмъ либо другимъ, но не ею самою, и въ доказательство ссылается на то, что онъ видѣлъ письма, писанныя рукою Екатерины, а также ея инструкцію графу д'Артуа (впослѣдствіи Карлу X), изъ которыхъ видно незнакомство ее съ французскимъ языкомъ. Что̀ Екатерина сама вела французскую переписку, въ томъ можно убѣдиться, каждому, видѣвшему въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ огромное собраніе черновыхъ писемъ Императрицы, писанныхъ и правленныхъ ею самою. Въ бѣловыхъ, сколько можно было судить по сличенію нѣкоторыхъ изъ нихъ съ подлинникомъ, исправлялась только орѳографія, съ которою Екатерина дѣйствительно была въ разладѣ. Изъ труда г. Керара видно, что онъ знакомъ съ Записками о Россіи Массона, но онъ не обратилъ вниманія на слѣдующее мѣсто этого писателя, тѣмъ болѣе любопытное, что Массона никакъ уже нельзя заподозрить въ желаніи скрыть что нибудь, происходившее при русскомъ дворѣ екатерининскихъ временъ. Сначала Массонъ передаетъ, какъ слухъ, что русскія произведенія Императрицы писалъ или по крайней мѣрѣ поправлялъ Державинъ. Слухъ этотъ, какъ извѣстно, лишенъ всякаго основанія: Екатерина сама писала русскія сочиненія, что̀ свидѣтельствуютъ ея черновыя рукописи, а поправлялись они при печатаніи или корректорами, или же состоявшими при ней лицами, какъ это подтверждается записками Храповицкаго. «Mais ce qu'il y a de certain, прибавляетъ Массонъ, c'est qu'elle (Императрица) n'a jamais eu autour d'elle un homme en état de lui écrire ses lettres à Voltaire en français. Odart et

Aubri, ses secretaires à cette époque n'écrivoient pas aussi bien qu'elle; *elle en est incotestablement l'auteur...»* [1]).

Въ концѣ напечатаны письма къ Екатеринѣ княгини Дашковой. Почти всѣ они писаны на французскомъ языкѣ; нѣкоторыми изъ нихъ, касающимися «Собесѣдника», пишущій эти строки пользовался въ настоящемъ очеркѣ; при другихъ сдѣланы объяснительныя примѣчанія, наконецъ нѣсколько просительныхъ и церемонныхъ писемъ могутъ служить дополненіемъ къ извѣстнымъ запискамъ Дашковой.

---

1) Masson, Mémoires secrets sur la Russie, I, Amsterd. 1800, pag. 112.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Статьи, писанныя Екатериною II и хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ.

I.

Г. С.

Недавно обѣщалъ я вамъ прислать нѣчто, касающееся до прихотей, но когда упражнялся класть мысли на бумагу, тогда до рукъ моихъ дошло слѣдующее письмецо. И хотя сказываютъ, что оно есть переводъ, какъ вы увидите изъ надписи, но однако думаю, что сіе любопытнѣе будетъ, нежели мое мараніе.

Покорный слуга

Патрикѣй Правдомысловъ.

Письмо, переведенное съ курильскаго языка на японскій, съ японскаго на китайскій, съ китайскаго на мунгальской, съ сего на тартарскій, съ тартарскаго на россійскій діалектъ.

(Изъ сего уже можно сдѣлать заключеніе о великой точности сего россійскаго перевода съ подлинникомъ).

Изъ Прихотополиса [1]), отъ перваго числа послѣ пятаго на десять, шестой луны послѣ новаго года.

Любезный Белиберда, здравствуй!

Пріѣхалъ я, послѣ пятигодичной ѣзды повсюду, недавно сюда и осмотрѣлъ по моему обыкновенію всего того, что мнѣ казалося достойно примѣчанія. Между прочимъ примѣтилъ я, что здѣсь часто бѣдный старается быть столько роскошенъ, какъ и богатый. Ни одинъ человѣкъ почти не живетъ по своему достатку: всякой проживаетъ болѣе, нежели онъ имѣетъ дохода, дѣлаетъ долги, не думаетъ, какъ ихъ заплатить, и, наконецъ, когда уже принуждаютъ къ платежу, тогда иные стараются избыть онаго незаконными отговорками, или же промышляютъ какъ бы денегъ достать. Дѣлать оныхъ не велятъ, брать у другаго безъ его доз-

---

1) Инако не можно было переводить имя сего мѣста. *Прим. Екатерины II.*

воленія запрещено. Осталось два средства: выманить у частныхъ людей или у правительства. То и другое не всегда удачно, и тогда уже разстроенное состояніе разстроиваетъ часъ отъ часу болѣе мысли, безъ того склонныя къ прихотямъ и доводитъ ихъ иногда до того, что позабывъ сами себя, долгъ и должность, окромѣ прихотей не вмѣщаютъ у себя въ головѣ, не разбирая способы, какъ бы получить по своему желанію. Поразсуди, колико тогда состояніе таковыхъ людей оснуется на твердыхъ правилахъ и не прямо ли, какъ у насъ пословица говоритъ, судьбина ихъ укрѣплена крючками на воздухѣ.

Ты знаешь, любезный Белиберда, что у насъ прихоти почитаютъ за вредъ во обществѣ, ибо въ порядочно устроенномъ нашемъ обществѣ всякой долженъ жить и быть доволенъ своимъ достаткомъ и не проживать болѣе, нежели ему Богъ удѣлилъ. Мы почитаемъ за подлое и стыдное дѣло смотрѣть съ уничтоженіемъ на достатокъ, могущій прокормить человѣка, изъ чего родится спокойствіе души нашей въ жизни, которое мы выше всякаго благополучія почитаемъ. Выходя же изъ своего состоянія, чего инаго ждать, какъ безпрестанныхъ прихотей, слѣдовательно безпокойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ и мыслей необузданныхъ? Тогда справедливый отказъ почитается обидою, должное послушаніе покажется тягостью, частныя неудовольствія изъявляются имъ общими. Для чего? Для того, что находятъ себѣ при каждомъ шагу препятствія. Огорченный ихъ духъ представляетъ себѣ всѣхъ людей съ ними въ ровномъ положеніи, и наконецъ — однимъ словомъ сказать — теряется у иныхъ несчастныхъ даже до различія между добрыми и худыми дѣлами. Для чего? Для того что они вышли изъ того положенія, въ которомъ быть должны и суть въ томъ, въ которомъ быть не должны. Любезный другъ, какъ мы счастливы! намъ запрещено болѣе проживать, нежели мы имѣемъ. Мы свое бережемъ для своихъ дѣтей. Ты бъ удивился, еслибъ могъ видѣть, сколько здѣсь пустыми прихотями и требованіями обезпокоиваютъ правительство и еще бъ болѣе удостовѣрился, сколько нужно человѣку никогда не отходить отъ правилъ, установленныхъ въ обществѣ для каждаго, дабы ограничить его состояніе и сохранить ему оное. Меня увѣряли, — но я почти тому не вѣрю, ибо лгуновъ я въ свѣтѣ уже много нашелъ, — будто въ одномъ году изъ девяти сотъ прошеній лишь десять нашли дѣльными. Если справедливо отказано восьмистамъ девяностамъ человѣкамъ просителямъ, какъ думать должно, то сіе весьма описываетъ нравы сихъ людей. Мое мнѣніе есть, что ребятамъ не довольно толкуютъ, въ чемъ состоитъ справедливость или несправедливость, а то нельзя бы всякому не знать, что прихотливая просьба сама собою есть несправедливость и что прихотями иногда отъ прямыхъ убогихъ отнимаютъ и время и примѣчанія у правительства.

Слышалъ я будто здѣсь и такіе люди, коихъ почти увѣрить не можно, что все то, что имъ по справедливости не принадлежитъ, а они

того требуютъ; что тѣ требованія есть прихоть. Мнѣ обѣщали такого-то человѣка показать. Я признаюсь, что я любопытенъ узнать образъ мыслей такого-то человѣка, и упрямство, или кривотолки, или тупость тому причиною?

Моимъ глазамъ дико весьма показалось, что здѣсь нерѣдко видимъ что молодчики молодые становятся передъ стариками и имъ мѣста не даютъ. Въ нашихъ краяхъ прежде сего смертію казнили тѣхъ, кои малѣйшее непочтеніе показывали старикамъ...

II.

Отрывокъ изъ «Былей и небылицъ», не помѣщенный въ «Собесѣдникѣ».

Въ V-й книжкѣ «Собесѣдника» не помѣщено окончанія «Былей и небылицъ», которое есть въ рукописи. Послѣ словъ: «жаль мнѣ весьма, что дѣдушка уѣхалъ, а я его сердечно люблю» слѣдуетъ:

Позабылъ я у него спросить, какимъ бы способомъ лучше дѣла мои поправить? Сей вопросъ уже дня съ три, какъ бѣгаетъ въ моей головѣ, какъ мышь на чердакѣ.

Мнѣ нуженъ барышъ чистый, безъ издержекъ, понеже кошелекъ мой пустъ.

Въ такомъ великомъ, богатомъ и нарочито многолюдномъ городѣ, какъ сей, многоразличные способы изысканы торгами, ремеслами, художествами, науками и прочее, и прочее, и прочее къ честному пріобрѣтенію и прокормленію. Кажется по первомъ взглядѣ, какъ тутъ кошельку быть пусту?

Я бъ пустился въ торгъ, но теперь о томъ не время подумать, прочаго всего не знаю.

Осталось служить прилежно и службою пріобрѣтать. Поѣду, право, на службу и тутъ рвеніемъ возьму... что?... самъ не вѣдаю. Однако, пока соберусь, пришла охота примѣчать, какъ съ меньшимъ трудомъ пріобрѣсти можно, живучи на мѣстѣ. О, дѣдушка, дѣдушка, если (бы) вы не уѣхали, я бъ свѣдалъ отъ васъ въ четверть часа на что теперь употребить долженъ время и трудъ.

Имѣвъ пустоту кошелька моего на умѣ, а его самого въ карманѣ, пошелъ я отъ Семеоновскаго моста на Литейной улицѣ и вошелъ въ домъ мнѣ знакомой, не помню на право, или на лѣво. Тутъ нашелъ я компанію немалую. Хозяйка разсказывала, что въ сосѣдствѣ ея живетъ какой-то Василій Дорофѣичь, прежъ сего бывый сидѣлецъ гостинаго двора—малой высокой, бѣлый, румяный. Сей женился на дочери богатой вдовы купеческой. Она принесла ему имущество немалое, но Дорофѣичь, по купеческому обычаю, хотѣлъ еще болѣе прибытка, и для того познако-

мился съ купеческою женою, въ сосѣдствѣ его живущею. Сія, овдовѣвъ вскорѣ, получила въ наслѣдство отъ мужа векселями, товаромъ и домашнимъ скарбомъ имущество немалое. Дорофѣичь, бывъ знакомъ съ нею, пошелъ къ ней въ прикащики и такъ порядочно отправлялъ ту должностъ и собственныя свои дѣла, что вскорѣ оказалась немалая надежда къ банкрутству. При таковыхъ обстоятельствахъ, Дорофѣичь не нашелъ инаго способа къ своему оправданію, какъ ходилъ изъ дома въ домъ, говоря: я не виноватъ, а виновата она сама. Она же говорила: правда, виновата я, что вѣрила ему!

III.

Продолженіе «Былей и небылицъ», не помѣщенное въ «Собесѣдникѣ».

Не мною сочиненныя и не мною заплаченныя похвалы, данныя Былямъ и Небылицамъ, также сдѣланное имъ анатомическое описаніе, по сказанію моего портнаго, навлечетъ на оныхъ вскорѣ завистниковъ. Я спрашивалъ: граматныхъ или неграматныхъ? Отъ первыхъ намѣреніе мною уже взято заградиться совершеннымъ своимъ незнаніемъ; вторые же не опасны, ибо суть единаго племени, Былямъ хотя завидовать, хотя нѣтъ — Были останутся Были, Небылицамъ же завидовать стыдно, ибо менѣе того быть не можетъ. Были и Небылицы гоненія, изгнанія не опасаются, ибо быль изгнать нельзя, а небылицы еще меньше. Когда дѣлать нечего, упражняться былью и небылицею, подъ тѣнью оной искать забавы не запрещается и ворчливому и брюзгливому. Досужіе часы, помнится мнѣ, не запрещено употребить на Были и Небылицы, лишь бы небылицы не взяли время надъ былью и быль не обратилась въ небылицу или небылица въ быль, что̀ по сказанію всѣхъ знающихъ Были и Небылицы, также и моего портнаго, нездорово какъ вещемъ, такъ и людемъ. Мой же портной въ числѣ умныхъ и разсудливыхъ людей, и я его завсегда охотно слушаю, ибо онъ шьетъ на меня кафтаны такъ длинны и такъ широки, что по нуждѣ служить могутъ и сертукомъ и шубою. Я же люблю широкое всякое платье и одежду, которая нигдѣ не гнететъ. Страница окончена.

На сихъ дняхъ поѣду я къ любезному моему дѣдушкѣ, получивъ отъ него на то позволеніе сими словами: «полно тебѣ въ Питерѣ, аки котъ молодой играть своимъ хвостомъ, пріѣзжай къ намъ». Были же и Небылицы сдаю въ уплату счету портному — онъ ихъ будетъ продолжать. Для образца написалъ онъ слѣдующее:

Я портной, а не иной, шью кафтаны и сарафаны, ропъ дику [1]), ропъ

1) Робъ де куръ. *Прим. Императрицы.*

дуки [1]), сертуки и юпки; все крою широко и шью крѣпко, также бетанляри [2]), въ коихъ толстые могутъ казаться тонки, и иныхъ мелочей много для всякаго пола и возраста. Всякъ легко узнать можетъ по вывѣскѣ, гдѣ я живу, а сверхъ того бываю часто на улицѣ на большой на прямой. Называютъ меня разными именами; въ цехъ я не записанъ. За просто со мною говоря, я привыкъ слышать: господинъ портной, и скорѣе по сему названію откликиваюсь.

NB. На сей случай болѣе того писать не велѣли, а впредь можетъ быть самъ не захочу. Наше-ли дѣло писать [3])?

Отъ портнаго.

Какъ деньги выручу по счету, писать немного буду. Гдѣ нашему брату писать? Недосугъ отъимаетъ время, надо кроить, шить, сходить закупать того-сего, долгъ забирать, дѣтей кормить, ихъ воспитать, кумовьевъ посѣтить и отъ нихъ посѣщеніе принимать, съ женою разобраться и иныя житейскія приключенія удовольствовать, отвращать, привлекать или за ними ходить. Благо, что немного до выручки долга, всего пять рублевъ; но какъ бы то ни было, отдамъ дьячку, который дѣтей учитъ букваря. Пусть его пишетъ — онъ недавно изъ школы самъ вышелъ.

Отъ дьячка изъ книгъ.

Понеже много вкусовъ разныхъ: дѣти любятъ игрушки, философы — глубокомысленныя разсужденія, арапы — скакать на лошадяхъ, французы — новыя выдумки, гишпанцы — важнаго наружнаго вида, нѣмцы — изысканій и точности, англичане — въ работѣ совершенства, а въ разсужденіи соглашенія разновиднаго и соединенія часто противнаго; въ иныхъ домахъ ищутъ остроты слога, въ другихъ одна забава, и того для на всѣ вкусы угодить не можно, наипаче бравъ въ размышленіе, что восьмидесятилѣтнему уже не нравится то, въ чемъ забаву находитъ двадцатилѣтній; что одинъ сердится за то, чему другой смѣется; третій же желаетъ покоя тогда, когда четвертый забаву находитъ въ шумѣ свѣтскомъ; бредитъ же изъ нихъ единственно тотъ, который непрерывно открытыми глазами во снѣ видитъ. Азъ, имѣя все то въ памяти моей, начиная впервые писать, смотрѣлъ бы на все то со трепетомъ, если бы не приближился желаемый мною конецъ сея страницы, который переходить крѣпко намъ запрещено [4]).

---

1) Робъ рондъ. *Прим. Императрицы.*

2) Петъ ан-леръ. *Прим. Императрицы.*

3) Эти двѣ статьи въ двухъ спискахъ, одинъ черновой, другой бѣловой рукою Екатерины же.

4) Двѣ послѣднія статейки сохранились на двухъ листкахъ — одинъ изъ нихъ съ помарками рукою же Екатерины.

Отъ дьячка изъ книгъ.

Всякъ знаетъ, что въ холодномъ мѣстѣ не тепло и въ тепломъ не холодно. Кто не живетъ своимъ образцомъ? Воспитаны же, какъ Богъ дастъ; съ молода мы думаемъ инако, нежели въ среднихъ лѣтахъ, а въ старости еще инако. Когда человѣкъ здоровъ, тогда имѣетъ чувство одно, а въ болѣзни другое. Въ Египтѣ болѣзни и чувства иныя, нежели въ Колѣ и при устьѣ рѣки Оби. Жаръ и стужа великое надъ человѣкомъ дѣйствіе имѣютъ, кто можетъ сказать точно, какое? Того за знающаго признавать не отречемся, лишь бы не объявилъ при томъ, что все знаетъ!

—

Отъ дьячка изъ книгъ.

Лапы всѣхъ звѣрей кончаются копытомъ, какъ у коровы или лошади, или ногтями, какъ у собаки; но не однѣ лошади лягаютъ и не однѣ собаки царапаютъ. Львы, слоны и иные звѣри не могутъ жить, аки человѣкъ, во всѣхъ разныхъ климатахъ, но человѣкъ живетъ вездѣ. Онъ одинъ, сказываютъ, будто и скуку знаетъ. Вѣроятно, что предки наши менѣе скуку знали, нежели мы: отецъ мой, бывъ попомъ, отъ скуки всегда ложился спать. Я другаго сложенія — меня скука заставляетъ думать.

NB. Когда я думаю, тогда я не пишу. Пишу же не думавши, но изъ книгъ, то есть раскрываю книгу, держу ее передъ собою и пишу; но ни единаго слова того, что въ книгѣ написано, а слова ставлю вмѣстѣ по совѣту господина портнаго, который называетъ сіе шить слова плотно, чтобъ не поролись.

—

Отъ портнаго.

Вотъ каковы образцовыя штучки, составленныя дьячкомъ: онъ оныхъ какъ блины печетъ.

NB. Штучкой мы называемъ наполненіе строки.

—

Отъ дьячка изъ книгъ.

Самая разумная мартышка въ разсужденіи человѣка весьма глупа. Всякъ знаетъ, что для человѣка не весьма похвально быть схожимъ на обезъяну.

—

Отъ портнаго.

Сію послѣднюю штучку вотъ какъ составили: мы со дьячкомъ условились: онъ писать, я кроить рукавъ въ запуски — кто скорѣе. Онъ вы-

игралъ закладъ, ибо я, повернувъ рукавъ, тѣмъ замедлилъ, а онъ межъ тѣмъ дописалъ [1]).

—

Дьячекъ изъ книгъ.

Изъясненіе печали во всякомъ народѣ разнствуетъ. Римляне, китайцы и жиды долгимъ плачемъ отъ оной отплакивались и отплакиваются; лопари съ печали ложатся спать; англичане умерщвляются (т. е. убиваютъ себя); нѣмцы пропьютъ; французы просвистятъ; у насъ встарину отговаривались, пѣняя причины подающему.

—

Дьячекъ изъ книгъ.

Сказываютъ будто родъ жизни портитъ или исправляетъ умъ человѣческій...

—

Отъ портнаго.

Сіи двѣ послѣднія штучки дьячекъ мой намаралъ, стоя у окна, на бумагѣ, выпоротой изъ стараго платья, пока я, сидя на столѣ, сшивалъ разпоротый во многихъ мѣстахъ вѣтхій кафтанъ. Недосугъ мнѣ было за нимъ на тотъ часъ присматривать; но я крайне не доволенъ, что онъ ударился въ такія мудрости, въ коихъ ни главы, ни хвоста не сыщешь. Но какъ онъ на то время истерялъ, а инаго въ заготовленіи не имѣется, того для вы читали сіе, господинъ читатель.

NB. Сверхъ того буде кто нашей работою недоволенъ, то просимъ о томъ намъ объявить письменно дьячку моему и мнѣ портному либо кому изъ насъ — здадимъ охочимъ людемъ за вносъ нашихъ денегъ.

—

Дьячекъ изъ книгъ.

Собачка играла съ дитятею. Собачка, потерявъ терпѣніе, укусила дитя. Дитя закричало. Собачка, поджавъ хвостъ, со страха ушла подъ кровать. Спрашивается, какъ это называется?

Разговоръ.

Портной. Чего ты спрашиваешь?

Дьячекъ повторяетъ тоже.

Портной. Собака есть собака. Если она играла съ дитятею, и дитя играла съ собачкою, знатно оба на то время не спали, доказательство

1) Двѣ послѣднія статейки есть на отдѣльномъ листкѣ, также рукою Екатерины.

тому, что играли. Ты говоришь, что собачка, потерявъ терпѣніе, укусила дитя. Собачка имѣла ли терпѣніе — въ неизвѣстности. Вѣдь не имѣвъ, не могла терять. Что̀ укусила дитя, то глазами видно, а крикъ слышанъ могъ быть ушми либо ртомъ, аще его кто на то время открыть имѣлъ. Собачка, поджавъ хвостъ, со страха ушла подъ кровать — струсила.

Дьячекъ. Спрашивается, какъ это называется?

Портной. Чего? что собака съ дитятею играла... ну, играла. Что терпѣніе имѣла, по моему сумнительно. Что укусила, видно и слышно было. Что собачка, поджавъ хвостъ, со страха ушла подъ кровать, боялась бита быть.

Дьячекъ. Спрашивается, какъ это называется?

Портной. Загадка что ли это?

Дьячекъ. Подумайте пожалуй.

Портной (поворачивая шитье). Сколько не подумаешь, все тоже будетъ.

Дьячекъ. Спрашивается, какъ это называется?

Портной. Хорошо, да видишь листъ оконченъ.

—

Дьячекъ изъ книгъ.

Никто не принужденъ читать нашу книжку, и для того пристойно будетъ каждому, кому не нравится чтеніе, оную вовсе оставить прежде пежели скукою принудится къ тому. Пища сія не приготовлена для всякаго желудка: инымъ казаться можетъ жестка, у сихъ желудокъ не варитъ или варитъ съ лѣнцою. Симъ не худо будетъ для здравья выпить вейновую водку съ имбиремъ или съ перцомъ, чѣмъ разогрѣются неотмѣнно холодные, жизненные соки. Другимъ придти на мысль будетъ, аще пища сія слишкомъ легка и безъ тѣхъ питательныхъ соковъ, кои производятъ сытости. Но да вспомнятъ благосклонно, что для слабаго легкая пища пристойнѣе сытной, которую не всякъ желудокъ сварить въ состояніи. Буде же кто найдетъ ее безъ соли, тому предписать пригожѣе всего воздержаніе отъ оной. Аще же явится кому слишкомъ съ солью, тотъ бывъ наполненъ острыми мокротами, всего лучше учинитъ, ежели чаще принимать будетъ парное молоко козье. Женщинамъ же при чтеніи оной совѣтуется употребить завсегда либо вязаніе филе, либо шитье, или же раскладываніе картъ для загаданія — любитъ ли кто или нѣтъ.

—

Дьячекъ изъ книгъ.

Восклицаніе...

Портной. Ну что это восклицаніе?

Дьячекъ. Въ книгѣ написано восклицаніе.

Портной. Я спрашиваю, что такое восклицаніе?

Дьячекъ. Восклицаніе... Восклицаніе есть восклицаніе.

Портной. Эдакой человѣкъ! Чего ты говоришь? Самъ не знаешь. И безъ тебя всякъ знаетъ, что кафтанъ есть кафтанъ.

Дьячекъ. Дайте написать, авось либо объяснится.

Портной. Хорошо, братъ, пиши, посмотримъ, что намъ скажешь.

Дьячекъ (пишетъ). Восклицаніе пишется обыкновенно дву вершковыми строками, наполненными высокопарными словами. Тутъ на слабомысліе и пустомысліе не смотрится, лишь бы сплетеніе словъ ушамъ громогласно казалось; дѣльное же отметается вездѣ тутъ, гдѣ въ вершковой мѣрѣ не вмѣстительно, либо слова не звучны.

Портной. Кто это будетъ разумѣть?

Дьячекъ. Кто... кто хочетъ... наше ли это дѣло? вѣдь въ книгѣ написано.

Портной. То такъ, однакожъ...

Дьячекъ. Я сегодня болѣе не напишу, вѣдь страница-то окончена [1]).

—

Разговоръ.

Дьячекъ, портной и его жена.

Дьячекъ. Здравствуй, Симонычь.

Портной. Здорово, Архипычь, надѣлалъ ты мнѣ хлопотъ!

Дьячекъ. Какія?

Портной. Вѣдь я тебѣ сказывалъ, что твоей мудрости не будутъ разумѣть. Жена моя за твое восклицаніе цѣлое утро меня бранила.

Дьячекъ. Понапрасну...

Портной. Вотъ вошла кстати, спроси у самоѣ. Серашка, скажи ему, что ты давича говорила.

Жена. Я говорила правду (она прибираетъ по горницѣ). На что ты пишешь рѣчи... на два пальца пыли на окнѣ... коихъ никто не разумѣетъ... (щеткой обметаетъ зеркальцо) да и скучно читать.

Дьячекъ. Серафима Никитична...

Портной (вдѣвая нитку въ иголку). Видишь изъумничался. Я давно ему говорилъ, что высокопарныя и головоломныя слова... иголка изломалась, подай, Сераша, иную... намъ, простякамъ, скуку наносятъ. Мы когда читаемъ, такъ хотимъ разумѣть чего (завязываетъ узелъ), читаемъ неразумительное, неясное, какъ бы ты, Архипычь, словами не надулъ — для насъ все потерянныя слова (отдаетъ узелъ). На, отнеси къ хозяину.

---

1) Этотъ листокъ былъ сложенъ въ пакетъ, запечатанъ Императорскою печатью съ двуглавымъ орломъ, и съ подписью рукою Екатерины: «Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой». Между рукописями сохранился другой черновой листокъ съ помарками Императрицы, съ него она списывала посланный къ Дашковой.

Дьячекъ. Я пишу изъ книгъ: какія слова тутъ написаны, я списываю.

Портной. По твоему это по книжному. Но на что ты выбираешь скучное, неразумительное — въ томъ дѣло.

Жена. Я твое книжное не разумѣю.

Дьячекъ. По русски писано.

Жена. По русски, по книжному я разумѣю и россійскую исторію читаю и знаю, что написано небось.

Портной. Слышишь ли, Архипычь?

Дьячекъ. Слышу, но исторія-та писана для ребятокъ и для того разумительна, простымъ складомъ безъ украшенія. Слышишь ли, Симонычь?

Портной. Слышу.

Дьячекъ. Страница окончена [1]).

—

Сего утра пришелъ нѣкто къ портному и сказалъ ему: господинъ портной, вамъ что ли «Были и небылицы» отданы за пять рублевъ долга?... Съ полтиною, прибавилъ портной, ибо ему досадительнымъ показался голосъ, съ которымъ сіи слова говорены были. — Для чего, продолжалъ пришедшій, вы въ «Быляхъ и небылицахъ» столь ревностно домогаетесь говорить или писать несовершенно, языкомъ весьма низкимъ для твердости нашего духа и обильныхъ чувствованій сердца?

Для чего... для чего... сказалъ портной, который неожидаемымъ вопросомъ удивленъ былъ и не зналъ, что отвѣтствовать; но подумавши нѣсколько, молвилъ: для трехъ причинъ: 1) для того что я портной, пишу своимъ языкомъ, которымъ я вѣкъ свой говорилъ; 2) для того что я хочу, чтобъ читатели, для коихъ я пишу, разумѣли то, что пишу. Я же пишу сочиненія не длиннѣе вершка, и ничего незначущія, нечужія, некраденыя, но мои собственныя. Буде вамъ не нравятся, совѣтую не читать, я же своимъ распоряжаю, какъ заблаго разсуждаю. Вонъ курица бѣлая ходитъ по горницѣ, и та моя — она насѣдка добрая, всякой день отъ Филиповки по яицу снесетъ до пасхи; захочу яицы тѣ сварю въ смятку, въ мѣшкѣ, или сдѣлаю яишницу — никому до того нужды нѣтъ, а знаю про то лишь я да жена моя Серафима.

Пришедшій, почесавъ рукою голову, потомъ щеку и бороду, сказалъ: то такъ, господинъ портной, яишницу вы скушаете съ домашними, но писаніемъ вашимъ вы въ числѣ тѣхъ, кои портятъ языкъ и вкусъ. — Ахъ-ти, вскричалъ портной, испугавшись, не вирямь ли? Кажется пишу, какъ я, и вы и многіе говорите, по крайней мѣрѣ не я одинъ такъ говорю. Учите же меня, какъ лучше говорить или писать?

Тогда пришедшій вынулъ изъ за пазухи бумагу вдвое сложенную вдлину, съ правилами. Портной жадно кинулся оныхъ читать съ чистосердечнымъ намѣреніемъ поправить свои ошибки и читалъ цѣлую стра-

———

1) Та же подпись и печать что въ предъидушемъ листкѣ.

ницу единымъ духомъ, дабы довести израженіе до конца. По окончаніи оной, перекрестясь, сказалъ: охъ, сударь, тутъ скорѣе одышку наживешь, нежели наберешся ума!.. Отдохнувъ же отъ лучей мысленнаго свѣта, разливающихся изъ общаго средиточія и проч., продолжалъ чтеніе трехъ правилъ предписанныхъ и, прочтя два слова перваго правила, остановился и спросилъ: что такое періоды и русское-ли это слово? Свѣдавъ же, что періодъ есть то, отъ чего ему одышка причинилася, просилъ сказать: нельзя ли покороче? и хотѣлъ знать, для красы языка и исправности писанія, во сколько вершковъ періоду быть должно? Пришедшій, услыша сіе, сказалъ, что по сему вопросу видно лишь то, что ты съ аршиномъ много возился. Вопросъ твой не у мѣста. На сіе портной сказалъ: у мѣста, сударь, у мѣста. Я и кафтана безъ мѣры шить не могу. И такъ прошу дать мнѣ мѣру длины вашихъ періодовъ, дабы я правильно писать могъ и съ лучшею охотою исправить могъ мои ошибки, или оставьте меня съ моими ошибками, о коихъ ни у кого по крайней мѣрѣ одышки не будетъ. Сверхъ того переведите мнѣ по русски слово періодъ, ибо за всякое иностранное слово, которое хозяинъ «Былей и небылицъ» найдетъ въ оныхъ, или мною, или дьячкомъ внесено будетъ, онъ по нашему договору правъ изъ пяти рублей съ полтиною вычесть у меня по десяти копѣекъ.

Пришедшій терпѣливо слушалъ усердную исповѣдь портнаго о періодѣ и его мѣрѣ, или лучше сказать пришедшій, имѣя правила правописанія въ головѣ, хотя слышалъ слова, но не вслушался въ рѣчи. По окончаніи оной, сказалъ только: прочтемъ далѣе. Портной началъ паки: «второе, чтобы не потерять достоинствъ описуемаго вещества». О, сказалъ на сіе портной, хотя я сіе не вовсе разумѣю, но вижу, что тутъ періодъ короче, изъ чего заключаю, что мѣры оныхъ убавить можно, чему сердечно радуюсь, ибо длинными вредъ наносить можно за подлинно себѣ и ближнему, наипаче чахоточнымъ.

Здѣсь въ горницу вошелъ дьячекъ не вовсе въ трезвыхъ обстоятельствахъ, однакожъ въ сносномъ положеніи. При немъ прочли третье правило. Онъ портнаго увѣрилъ, что нѣтъ школъ и книгъ школьныхъ, въ коихъ подобное не напечатано было (бы) давно. Портной же крайне тому дивился, понеже съ роду ни въ одной не бывалъ и книгъ никакихъ не читывалъ.

Коренное портной прочиталъ дважды и трижды съ крайнимъ удивленіемъ, не зная и не разумѣя однако латинскихъ словъ. Дьячекъ же сказалъ ему: чему, сватъ, дивишся? Славяне, побѣдя весь свѣтъ, не единожды разнесли языкъ свой по всюду. Удивительно лишь только то, что были времена такія, въ кои насъ увѣряли и мы увѣрены были, что въ богатѣйшемъ и пространнѣйшемъ въ свѣтѣ языкѣ нашемъ не находится словъ для написанія письма и заимствовали непрестанно изъ иностранныхъ языковъ, даже до мелочныхъ званій разныхъ вещей. Чему, госпо-

динъ пришедшій, изволите сіе приписать, спросилъ портной? Пришедшій сказалъ: прощай, господинъ портной, я не имѣю времени о семъ съ вами теперь толковать, и вышелъ вонъ изъ горницы. Портной же задумался сильно и былъ въ недоумѣніи о говоренномъ. Говорилъ дьячку: какъ намъ съ «Былями и небылицами» теперь управлять? Дьячекъ совѣтовалъ продолжать по прежнему, (и) сказалъ: сватъ, вѣдь всѣ ихъ читаютъ, и когда часть Собесѣдника выходитъ, тогда всякой почти, проходя прочее мимо, ищетъ «Были и небылицы».

Портной: то такъ было пока дѣдушка и друзья въ полномъ дѣйствіи находились и внукъ писалъ, а теперь какъ? Дьячекъ: авось либо и наши бредни прочтутъ. Портной: только не пиши пожалуй ни въ какомъ случаѣ надутымъ слогомъ безъ смысла и не умничай много. Серафима того и другаго не любитъ и за то ворчитъ иногда цѣлый день. Дьячекъ: есть ли способъ на всѣхъ угодить? Портной: говорю ли я на всѣхъ? Была бы Серафима довольна, да сошли бы листы съ рукъ, до прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ...

Тутъ принесли портному платье и разговоръ кончился.

—

Портной началъ было пороть подкладку изъ подъ кафтана полуветхаго. Дьячекъ, по своему обыкновенію стоя у окна, писалъ, когда по улицѣ карета поѣхала. Кавыкъ, кавыкъ, кавыкъ, заднія колеса сверху врознь, а снизу сблизились, такъ что тягость каретнаго ящика между станка и колеса, сдѣлавъ сама кавыкъ, кавыкъ, кавыкъ, на бокъ не тихо на мостовую повалилась. Отъ стука и кавыка дьячекъ, который не былъ глухъ, поднялъ голову, положилъ клочекъ волосъ за правое ухо и, взглянувъ не хотя, молвилъ: Ахъ-ти карета упала, колеса соскочили, ось переломилась, кучеръ свалился. Портной тогда сошелъ со стола; жена его, дѣти, подмастеріи, ученики, работница — всѣ сбѣжались къ окнамъ къ дверямъ. Не всѣ успѣли еще сблизиться къ позорищу, когда двое человѣкъ слугъ подъ руки ввели къ портному въ домъ барыню — острые клабучки, чрезвычайно высоко причесанную съ перьями и цвѣтами, туды-сюды натыканными, выше полуаршина съ вершками. Не доходя шага два до дверей горницы, люди съ рукъ барыню спустили. Она пошла до дверей — кавыкъ, кавыкъ, кавыкъ же — не попала въ дверь, но спотыкнувшись правѣе немного прямо къ стѣну, тутъ ухватясь руками по стѣнкѣ уже кавыкъ, кавыкъ, кавыкъ дошла до дверей и чрезъ порогъ въ горницу, гдѣ портной, жена его и дьячекъ посадили ее на самомъ лучшемъ соломенномъ стулѣ, и начался разговоръ въ такой силѣ.

Барыня (вынимая стекло зрительное изъ кармана, осматриваетъ окружности). Ah! quel horreur! (Къ женѣ портнаго) Ахъ, мать моя, какъ я испугалась, я чуть жива. Ah! mon Dieu!

Жена. Христосъ съ вами, не ушиблись ли, сударыня?

Барыня (смотря въ лорньетъ). Ахъ, мой свѣтъ, я не знаю, какъ я

жива осталась! Падумай, mon coeur, карета моя опракинулась на улицѣ! чуть въ стекло не попала головою. По счастью, что я сидѣла въ каретѣ безъ подушки, и что мѣсто, гдѣ сидѣла, спущено было вершка два отъ земли, а то глаза бы выкалала.

Дочь портнаго (къ матери). Мама, для чего у барыни лицо такъ низко?

Жена (къ дочери). Перестань, щенокъ!

Портной (къ барыни). Не изволишь ли выкушать чего?

Барыня. Ахъ, дайте духъ перевести!

Сынъ портнаго (къ матери). Мама, у барыни юпка короткая, развѣ она скороходиха?

Жена. Молчи, повѣса!

Барыня (смотря въ горницѣ въ лорньетъ). Cela est epouvantable! Какъ мнѣ теперь ѣхать домой, я ужесть какъ далеко живу.

Дьячекъ. Гдѣ вы живете сударыня?

Барыня (положа лорньетъ въ карманъ). Ахъ, на краю свѣта!

Портной. Пошлемъ кого по другую карету?

Дочь (къ сыну). Барыня глаза въ карманѣ носитъ.

Сынъ (къ сестрѣ). У барыни каблуки тоньше и длиннѣе ключа отъ шкапа.

Барыня. На силу я вспомнила. Здѣсь чаю близко живетъ mon amie, совѣтница Перюшкова! Ah! mon Dieu, какъ она удивится, какъ услышитъ, въ какой.... я зашла.

Портной. Тотчасъ я пошлю.

Послали. Барыню въ Перюшковой каретѣ отвезли. Съ того дня дѣти портнаго ни о чемъ не говорили, какъ о барынѣ съ низкимъ лицомъ, о короткой ея юбочкѣ, о высокой каблучной остротѣ, о карманныхъ глазахъ, представляя все то непрестанно въ лицахъ, накалывая на головѣ что подъ руки имъ попадалось, даже до бересты, и дѣлая себѣ каблуки тонкіе и высокіе изъ хвороста, подобные ходулямъ, перенимая походку кавыкъ, кавыкъ, кавыкъ. Сія забава продолжалась до вчерашняго вечера и кончилась тѣмъ, что сынъ осьмилѣтній, ходя кавыкъ, кавыкъ, кавыкъ, ногу вывихнулъ и теперь лежитъ въ постели къ крайнему сожалѣнію всей семьи, которая большую надежду полагала въ его отличныя качества, ибо бѣгая по улицамъ никогда не прихаживалъ домой съ пустыми руками, но всегда съ гвоздемъ, или крючкомъ, или иной отломкою. Гдѣ же оныхъ тяпалъ, о томъ и вопроса никогда не бывало, понеже въ ономъ не усматривали инаго, окромѣ настоящей пользы домашней, ущербъ же ближняго въ такихъ малостяхъ не ставился за дѣйствительную потерю кому ни на есть, повадника (паваднека?) же къ воровству никто въ томъ не усматривалъ до тѣхъ поръ, что призванный вчерась ввечеру ученый костоправъ не наткнулъ на то примѣчаніе родителей.

За недосугомъ дьячка, по сказкѣ подмастерья,
который читаетъ по складамъ, писалъ площадный писарь.

—

На сихъ дняхъ къ портному пришелъ кумъ его гошпитальный подлекарь. Ходя по горницѣ, (онъ) подошелъ къ окну. Тутъ лежали лоскутки черные «Былей и небылицъ», которыя дьячекъ не прибралъ, взялъ вершка полтора и, прочтя оныхъ, сказалъ, улыбаючись портному, что выздоравливающимъ больнымъ по гошпиталямъ не запрещается оныхъ не токмо читать, но что онъ съ товарищи его по тѣмъ листамъ еще узнаетъ коренныя болѣзни больныхъ. Портной сему дивился (и) спросилъ: какъ этому статься? Подлекарь вынулъ изъ кармана во увѣреніе бумагу, на которой написано было слѣдующее:

Примѣчанія.

№ 1.	Имѣетъ затвердѣлыя частицы..........	лѣтъ 50.	NB. Сіи боль-
» 2.	Боленъ желчью......................	» 30.	ные «Были и
» 3.	Въ природномъ расположеніи къ грусти..	» 28.	небылицы»
» 4.	Рожденъ въ ипохондріи...............	» 26.	терпѣть не
» 5.	Склоненъ къ почечуямъ...............	» 35.	могутъ, про-
» 6.	Дрожаніе жилъ отъ лишней чувствительности	» 38.	чіе читаютъ.
» 7.	Боленъ отъ многаго сидѣнія, уча другихъ.	» 40.	
» 8.	Имѣетъ колики вѣтреныя, упражняясь въ сочиненіи, составленномъ изъ пышныхъ словъ..........................	» 58.	
» 9.	Сложенія столь печальнаго, что сердится непрестанно, наипаче же тому, что въ другихъ возбуждаетъ забаву.............	» 36.	

Портной выпросилъ у подлекаря и, списавъ, приставилъ отъ себя лишь NB.

—

Отъ портнаго объявленіе.

Понеже свои пять рублей съ полтиною уже выручилъ, дьячекъ же спился по нашему съ кругу долой, и того для буде кто «Были и небылицы» хочетъ снять у насъ съ руки, то охочіе люди могутъ явиться ко мнѣ, портному, или къ сожительницѣ моей Серафимѣ, или прислать письменныя свои объявленія съ надписью: къ Г. портному.

Примѣчаніе.

Мнѣ преимущественно велѣно отдать «Были и небылицы» вершками, четвертями и полуаршинами внукомъ извѣстнаго дѣдушки. Запрещено же мнѣ здать оныя аршинами, и для того буде изъ пятнадцати внучатъ кто здѣсь въ Питерѣ на лицо и охоту имѣетъ, да явится смѣло.

NB. Нужды въ томъ нѣту, чтобъ самъ писать умѣлъ, можетъ заставить писать, кто случится, лишь бы не длинно было. Увѣриться можетъ, что прочтено будетъ кой часъ изъ печати выйдетъ подъ заглавіемъ «Были и небылицы».

Примѣръ тому слѣдующее сочиненіе моего подмастерья:

КЪ БЫЛЯМЪ И НЕБЫЛИЦАМЪ

ВОСХИТИТЕЛЬНОЕ.

О, прекрасное заглавіе! Подъ крыломъ покровительства вашего, выходитъ въ печать не вмѣстительное въ проповѣди, въ исторіи, въ трагедіи, въ комедіи, въ стихахъ и проч. и проч. и проч. Что тутъ не включается, то ставится въ примѣчаніе, побочное же подъ знакомъ NB. Слѣдовательно всегда вдругъ о трехъ разныхъ вещахъ говорить можно, не обезпокоивая ни писателя, ни чтеца, что̀ весьма удобно для всѣхъ. Связи же не требуется никакой о чемъ говорится, лишь бы мысль не длиннѣе вершка въ себѣ заключала! О, прекрасное заглавіе! О, сіяющія Были и небылицы! О, пріятная забава! О, вы, влекущія къ себѣ толикихъ чтецовъ! Дозвольте изъявить вамъ всекрайнее удивленіе восхищеннаго вами духа объ обширномъ вашемъ успѣхѣ, превосходящемъ всякое чаяніе.

IV.

Собственноручная записка Екатерины II о качествахъ члена общества незнающихъ [1]).

Moi ignorant ignorantissime a deux brevet signé le premier par cinq seigneur soi disant ignorant, le second par un confrere venerable qui pretend ne pas savoir signer son nom, mais dit par deux lignes tres distinctement ecrite et sans aucune faute d'ortographie, avoir fait une croix, la quelle croix cependant ne se trouve pas a la fin de la dite ou non dite pancarte, je reclame mes droits d'ignorant la ou il apartient contre le greffier ou compositeur de ce dernier brevet vu qu'il dit avoir en main les preuves et titres sur lequels je fonde ma requete, or ne lui ayant jamais presenté ni preuve ni titres ni requetes il est difficile qu'il les aye vu, il lui plait ensuite de fonder mes titres tout autrement qu'il n'apartient.

Mes titres reside en moi meme et nulle part ailleurs, 1) je suis un ignorant né, 2) je n'ai jamais rien appris, qu'un peu a lire et a écrire et cela encore pendant fort peu de temps; 3) Par moi meme je suis un faisceau de baton rompu peu propre a la licence; 4) je n'en ai jamais entendu parler meme que l'envie ne m'eut prit d'en retrancher ou ajouter quelque chose non pas pour faire l'entendu — le ciel en est temoin, mais uniquement pour faciliter le debit de cette marchandise pour moi et mes confreres dont par ci par la nous pourrions avoir besoin. Je l'avouë 5) la plus profonde preuve de mon ignorance ce reduit dans nn petit extrait qui n'a que quatre mots precieux, ce Paladium des ignorans consiste a dire avec humilité la ou je manque d'instruction, je n'en sais rien; 6) tout savant n'en sauroit dire autant; 7) ceux-ci ne se pretent point a mes questions;

---

1) *Въ этой статьѣ соблюдена ороографія подлинника.*

8) je n'ai de titre d'aucune compagnie; 9) je n'aime pas a disputer; 10) j'ecoute volontier; 11) le faisceaux de toutes les preuves portent avec elle l'evidence la plus complete comme j'espere et alors je suis content, moi ignorant; 12) comme ignorant je demande et m'en remet au juge d'equité qu'on choisira s'entand que je ne m'opposeré point a tout ce qu'il decidera selon ma fantaisie.

V.

Leoniana ou Dits et faits de sir Leon Grand Ecuyer recueillis par Ses Amis [1])

Avertissement.

Le lecteur ignore ou n'ignore pas peut etre que pareil ouvrage ne demande ni queuë, ni tete, ni suite, ce qui ne laisse pas d'etre aussi commode au compilateur, qu'en aparence analogue au sujet.

Reflexion.

Tel est le sort souvent des esprits profonds, le vulgaire ne les comprend pas toujours! On lira cet ouvrage sans perdre haleine vue que les paragraphes n'en sont pas fort long, ce qui ne laisse pas que d'etre un avantage essentiel.

Comencement.

Nous passons sous silence les dits et faits de notre Heros depuis sa naissance jusqu'a sa treize ou quatorzieme année faute d'en avoir des données bien clair. Cependant si ses contemporains ne sont pas tous morts et enterrés, ils sont prié eux, ou leurs enfans et petits enfans de communiquer aux Editeurs ce qu'ils en savent avant la seconde edition de cet interessant ouvrage.

Fragment sur la naissance.

Autrefois, il couroit un bruit vague, comme si la susdite naissance de sir Leon auroit eu lieu au mois de Fevrier l'année 1730 ou 1731, dans la maison de plaisance de Mr son pere située sur la riviere Fontanka, a l'endroit ou l'on a batis depuis l'Hopital de la ville de Petersbourg et nomement la ou demeurent les gens qui batent la campagne, de maniere a etre peu compris.

Mais un mot sorti de la bouche de sir Leon a suffit pour detruire cette imposture que la petite menteuse a trompette, la Rennomée s'etoit plû a accrediter pendant une quarantaine d'année.

---

1) Эта статейка сохранилась въ рукописи въ трехъ черновыхъ спискахъ, писанныхъ отъ начала до конца, съ собственными поправками и помарками, рукою Екатерины. Здѣсь помѣщенъ, *съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи подлинника*, одинъ полнѣйшій списокъ Leoniana. Впрочемъ разница между всѣми тремя списками ничтожная.

Mot irrevocable.

Ce mot irrevocable de sir Leon consiste en ce que: monté en personne le 26 May 1796, entre huit et neuf heures du soir sur la colonade de Czarsko Celo il a declaré avec claire, haute et intelligible voix en presence de vingt temoins au moins, comme quoi il étoit né une fois pour tout mais quelques années plus tard, dans la maison Dimidof proche la douanne et le port de la Neva, par consequend entre le marché des Harengs sorets et celui des fromages hauts en couleurs et en odeur.

On ignore les causes qui ont pu porter sir Leon a transferer ainsi le lieu de sa naissanse d'un lieu propre dans un impropre et ou les cinq sens sont affecté a la fois.

Mais gardés vous lecteurs d'en douter, les preuves en sont palpables.

La Patrie étant chere aux ames bien nées, il est certain qu'on a vu sir Léon depuis son adolescence et dès qu'il eut des vetemens en sa disposition, au retour du printemps chaque années, roder plus frequenment dans cette partie de la ville ou il a vuë le jour que dans d'autre et tout comme si il y étoit a l'exemple de maitre Renard par l'odeur alleché.

A propos de vetemens.

L'anecdote suivante ce presente a la memoire fort naturellement. Notre Heros est fils legitime de madame sa mere et de monsieur son pere epoux de madame sa mere. Laquelle dame resta veuve de son mari lorsque monsieur son fils cadet eut atteint l'age de treize a quatorze ans. Madame sa mere étoit riche, aimoit le faste et la representation, sa maison étoit toujour remplie d'une foule de monde qu'elle ne connoissoit guere. Mais plus que tout cela elle aimoit Monsieur son fils cadet. S'étoit un amour vraiment maternel pur et intact pour le personel de Monsieur son fils cadet, ceci est bien prouvé, car quand la bonne dame le voyoit elle ne voyoit que son individu et ne pretoit ancune attention a ce qui le regardoit, par exemple elle ne remarquoit jamais lorsque quelques partie de l'habillement de Mr son fils etoit negligenment ou mal arrangée ou manquoit tout a fait pour le moment. Comme Monsieur son fils cadet avoit grande tendres(se) et respect pour Madame sa mere, il s'empressoit et ce hatois sans cesse de venir chés elle. S'etoit les raisons du moins qu'il allegoit lorsqu'il oublioit une partie de ce qu'il avoit a mettre a cet effet, d'un autre coté il etoit doué d'une telle vivacité que les vetemens en étoit a l'ordinaire en partie detruit de maniere qu'il manquoit journellement quelque chose a sa parure et meme quelques fois jusqu'a la moitié, outre cela il croissoit avec rapidité et sortoit par consequent de ses habits a vuë d'œil comme une fleur de son oignon. Or malgre cet etat des choses il arrivoit que par respect filial il n'osoit ce plaindre a Madame sa mere que rarement du defecit des pieces les plus indispensables de ses vetemens; nous l'avons dit plus haut, par tendresse maternelle Madame sa mere ne voyoit rien du tout excepté Monsieur son fils, et habituellement n'avoit pas meme l'idée du manque-

ment qu'il éprouvoit. De cela il resultoit que la garde robe de notre Heros n'étoit guere renouvellée en detail, mais que cette operation ce faisoit ordinairement en gros et lorsqu'il était sur le point de manquer d'habits de linges, bas, souliers etc. pour de chapeaux ou bonnet il n'en posseda jamais que celui du premier venu, lequel lui servoit pour quelques heures et cela encore dans les grandes occasions de representation seulement.

Autre anecdote.

Madame sa mere avoit trouvée l'instruction de monsieur son fils confié a un personnage sûr, car s'etoit un professeur, membre de plusieurs Academie qu'on payoit ou ne payoit pas selon les circonstances, par mois; celui-ci enseignoit plusieurs geunes gens, cet a dire qu'il leur debitoit a la fois ce qu'il savoit ou ne savoit pas et l'auditoire ecoutais ou n'ecoutoit pas comme il leur plaisoit. C'est de cette fameuse ecole que sir Leon emporta cette prodigieuse quantité de mots et de nominatifs des Arts et Sciences qu'il place si heureusement. C'est la qu'il n'etudia pas la grammaire, ni comme il dit lui meme l'Art de narrer, mais il s'y forma a la facilité des raisonnemens profonds et des dissertations inimitables qui enlevent le suffrage d'un auditoire entier et qu'il entend repeter avec une joye franche et pure, telles sont celles sur la Phisique, les Mathematiques, l'Histoire, la Politique, la Botanique etc. etc. etc.

Les citations embellissent un ouvrage.

Qu'on nous permette dont de raporter en cet endroit un mot sublime, qu'on peut prendre pour modele dans plus d'un sens si l'on veut.

Sire Leon disoit un jour qu'il n'aimoit point les livres d'Histoire dans lesquels il y avoit des Histoires et que pour que l'Histoire fut bonne il falloit quelle fut sans Histoires, parceque quand il y avoit dans l'Histoire des Histoires, ce n'étoit plus que du Phebus.

Un autre jour il lui plû de s'ecrier avec une sorte d'entousiasme qu'il n'aimoit pas du tout les pieces de Theatre bien ecrite, qu'elle l'ennuyoit a mourir, que le bien ecrire en otoit la guayeté (gaité) [1]), il ajouta que toute reflexion faite, il allait au Theatre pour s'amuser et non pour y bailler, que s'est pourquoi il preferait *le Sourd* qui le faisoit rire a *la Metromanie* qui l'endormoit, et qu'il en étoit de meme des Drames larmoyant qui n'etoit selon lui ni chair ni poisson.

Debut de sir Leon a la Cour.

L'an de grace 1751, sir Leon étant dans sa vingtieme année fut placé a la Cour comme gentilhomme de la chambre.

Quelques jours apres il ce trouva a une partie de chasse peu experimenté encore a monter a cheval, il ce tenoit cependant sur le sien, a la

---

1) По другому списку рукою Екатерины же: «le bien ecrire nuisoit a la guayeté de l'ouvrage».

verité le corps un peu en avant et la bride à la main fort courte avec l'air d'un grain de peur, mais il en donnoit pour bonne raison qu'il ne connoissoit pas encore les betes au service de la Cour. Un chasseur et trois levriers le suivoit, le premier tres galonnés les autres a coliers neuf, le tout alloit le mieux du monde. Lorsqu'un lievre ce laissa prendre par ses chiens. Son chasseur ce jetta a bas du cheval pour oter le lievre aux chiens, notre Heros descendit aussi du sien, en ce moment le cheval du chasseur profitant de l'intervalle s'en alla au petit trot pour paitre daus la prairie. Sir Leon voulu le retenir par la bride, mais n'y ayant pas reussit il s'avisa de prendre le cheval par la queuë, mais celui ci rua avec ses deux pieds de derriere tout droit dans l'estomac du nouveau courtisan et le renversa les quatre fers en l'air criant ahi, ahi, ahi, en presence d'une grande partie de la compagnie qui s'étoit rassemblée autour de lui. Il y a toute sorte de gens partout. Les uns rioit aux eclat, d'autres demandoit s'il n'étoit point blessé, mais heureusement il n'avoit aucun mal.

Il est indispensablement d'inserer en cet endroit mot a mot l'inscription qu'il a plu a sir Leon de faire mettre a sa maison de campagne par ce quelle servira d'intineraire sur plusieurs points essentiels et evitera les repetitions ennuyeuses.

Article Histoire naturelle.
Article bibliotheque.

Sir Leon en avoit une. Pour completer laquelle, il ne manquoit aucune occasion que ce presentois pour acheter ches les libraires, aux marchés des revandeurs et aux encans tous les tomes depareillés des differents livres qu'il pouvoit trouver et plusieurs autre Orphelins de la nature de ceux qui tot ou tard s'en vont servir de cornet dans les boutiques des epiciers ou autres lieux.

Article Feves.

Un jour que sir Leon celebroit la fetes des Rois chés un de ses amis, il lui tomba en partage la dignité de chancelier du Roy de la feve. Il n'eut rien de plus pressé que d'envoyer un domestique ches Madame sa sœur lui annoncer qu'il avoit été fait chancelier. Celle ci a son tour s'empressa d'en faire part a Madame sa mere. Laquelle dans la joie de son cœur du bonheur qui venoit d'arriver a Monsieur son fils, un moment aprés commença a s'etonner de ce qu'il ne venoit pas lui meme lui faire part de sa promotion. Enfin après l'avoir attendu longtemps le soir, elle alla ce coucher un peu mortifié du peu d'egard qu'elle disoit qu'il lui marquoit. Le lendemain, quand pendant la matinée elle ne le vit pas paroitre, les reflexions ameres sur l'ingratitude des enfans recomencerent et elle ce facha tout de bon. Sir Leon qui avoit trinqué avec ses amis une partie de la nuit s'étois couché tard, et ne ce leva que vers midi, il vint comme de coutume dire le bon jour a maman ne pensant plus du tout a sa dignité de la veille, mais il n'en fut pas de meme de la bonne dame, il la trouva boudeuse,

lorsqu'il voulu lui baiser la main, elle la lui refusa. Il resta stupefait, et demanda ce qu'elle avoit. Alors elle eclata et l'accabla de reproches sur le peu d'empressement et de respect qu'il lui marquoit, n'etant pas venu sur le champ lui meme lui porter la nouvelle de sa promossion a une charge aussi importante. Il eut mille peine a l'apaiser et a la detromper en lui contant les choses comme elles etoit.

VI.

Relation veridique d'un voyage d'outre mer que sir Leon Grand Ecuyer pourroit entreprendre par l'avis de ses amis [1]).

Preface

ou l'auteur comme de raison parle de lui meme.

En commençant cette Relation on c'est trouvé dans l'embarras sur le temps qu'on adopteroit, le present, le passé, le futur ce presentois a tour de role, chacun avoit a alleguer pour ma comodité et l'utilité du public....

ВТОРАЯ РЕДАКЦІЯ ТОЙ ЖЕ СТАТЬИ.

Relation authentique d'un voyage outre mer que sir Leon Grand Ecuyer aurait entrepris par l'avis de quelques uns de ses amis.

NB. Cet ouvrage sortira de la presse avec les œuvres du Comte de Borch en 36 vol. in Folio dès qu'il y aura un nombre suffisant de souscripteurs.

Preface

ou l'editeur (auteur) n'a pas oublié de parler de lui meme.

En commancant cette Relation on c'est trouvé dans l'embarras sur le temps qu'il conuenoit d'employer. Le present, le passé, le futur ce presentoit alternativement a la pensée, chaqu'un (зачеркнуто: avoit des inconvenients) d'yceux amenoit a sa suite certains nombre de convenances et tout autant d'incovenients, pour obvier d'aussi grandes difficultés on a sinon crée du moins adoptés un temps mitoyen moins usité et par consequend plus propre par sa nature au sujet jusqu'ici inoui qu'on avoit a traiter, on en a fait un heureux essais dans le titre meme du livre comme chaqu'un s'en peut convaincre par sa propre experience, car quel est le mortel asses indifferent dont l'attention ne s'arretera pas meme un instant. (Сверху послѣднихъ словъ съ car quel est..., между строкъ: mais si quelqu'un de nos lecteurs ni prenoit pas garde nous pourrions avec raison en inferer que tous les temps lui sont egaux ce qui nous donneroit avec lui gain de cause).

---

1) *Орѳографія подлинника.*

Chapitre I. Preparatif pour le depart de sir Leon par terre de Petersbourg pour la Tauride.

Chapitre II. Inventaire des meubles et utensiles necessaire pour son voyage.

Chapitre III. Comptes exats des frais de l'emballage.

Chapitre IV. Sir Leon prend congé de sa chere epouse et de la famille. Scene tres touchante calquees sur les adieux d'Oreste et de Pilade.

Chapitre V. Sir Leon est porté par ses plus fidèles serviteurs dans la voiture a la suite de ses autres effets.

Chapitre VI. Les chevaux prenent le mort au dents ils sont heureusement arretés par une borne devant un cabaret.

Chapitre VII. Le voyageur effrayé descent de la voiture, entre au cabaret et y trouve le dejeuné d'autruy. Emu de frayeur il le mange, par distraction il oublie de le payer.

Chapitre VIII. Avant d'arriver a la premiere poste il rencontre beaucoup de monde qu'il prend pour des voleurs.

Chapitre IX. Par la rapidité de ses coursiers il echape a se danger.

Chapitre X. Du silence qu'il faut garder sur le reste du voyage par terre crainte de donner dans le genre ennuyeux.

ТРЕТІЙ ЧЕРНОВОЙ СПИСОКЪ ТАКЖЕ, КАКЪ И ДВА ПЕРВЫЕ, РУКИ ЕКАТЕРИНЫ II.

Preface ou l'Editeur n'a pas oublié de parler de lui meme.

Chapitre I.

Comme quoi les amis de sir Leon lui conseille de faire un voyage par mer.

Chapitre II.

Motifs de ce voyage.

Chapitre III.

Le plaisir qu'aura sa chere epouse de le revoir après une longue absence, y entre pour beaucoup.

Chapitre IV.

Resolution prise de partir. Preparatifs pour le depart de sir Leon par terre de Petersbourg pour la Tauride.

Chapitre V.

Inventaire des meubles et utensiles necessaire pour le voyage.

ЧЕТВЕРТЫЙ СПИСОКЪ ПЕРЕБѢЛЕННЫЙ ХРАПОВИЦКИМЪ [1]).

Preface ou l'Editeur n'a pas oublié de parler de lui meme.

Chapitre 1. Comme quoi les amis de sir Leon lui conseillent de faire un voyage par mer.

Ch. 2. Motifs de ce voyage.

Ch. 3. Le plaisir qu'aura sa chere epouse de le revoir après une longue absence, y entre pour beaucoup.

Ch. 4. Resolution prise de partir. Preparatifs pour le depart de sir Leon par terre de Petersbourg pour la Tauride.

Ch. 5. Inventaire de meubles et utensiles nécéssaires pour un voyage de long cours.

---

1) Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 14 мартомъ 1787 года находимъ: «переписывалъ Relation authentique d'un voyage outre mer de sir Leon». Чтенія Общ. древностей 1862, кн. II, стр. 23; но здѣсь по ошибкѣ напечатано: sir Zeon.

Chapitre VI.

Compte exact des frais et de l'emballage.

Chapitre VII.

Sir Leon prend congé de sa femme et de la famille. Scene tres touchante, calqués sur les adieux d'Oreste et de Pilade.

Chapitre VIII.

Sir Leon est porté par ses plus anciens serviteurs dans sa voiture a la suite de ses autres effets.

Chapitre IX.

Les chevaux prennent le mors au dents; ils sont heureusement arrettés par une borne devant un cabaret.

Chapitre X.

Le voyageur effrayé descent de sa voiture; entre au cabaret; il y trouve un dejeuné preparé pour autruy; emu et effrayé sir Leon mange le dejeuner par distraction. Le cabaretiers lui presente le compte. Sir Leon fait un billet a sa femme pour la prier de payer.

Chapitre XI.

Sur le chemin de Czarsko çelo sir Leon rencontre une troupe de gens a cheval qu'il prend pour des voleurs de grand chemin. En voulant mettre la tete a la portiere, il donne de son front dans la glace qui ce brise et lui fait quelques égratignures.

Chapitre XII.

Sir Leon inquiet sur les suites de cet accident fait arreter sa voiture au cabarets ou ce croise les chemin de trirouki. Ici il rencontre son ancien ami Str. en station, ils vident ensemble une pinte de porter.

Chapitre XIII.

Il arrive a Czarsko celo. Il fait visite a Mr. K. qui le reçoit en robe de chambre. Il va diner chés B. ou il convoite un gros jambon; il l'obtient comme provision de voyage, il l'emporte sous son menteau. L'apres diné il rode en voyageurs pour s'in-

Ch. 6. Compte exacte des frais et de l'amballage.

Ch. 7. Sir Leon prend congé de sa femme et de sa famille, scene touchante calquée sur les adieux d'Oreste et de Pilade.

Ch. 8. Sir Leon est porté par ses plus anciens serviteurs dans sa voiture à la suite de ses autres effets.

Ch. 9. Les chevaux prennent les mors aux dents; ils sont heureusement arrettés par une borne au devant d'un cabaret.

Ch. 10. Le voyageur effrayé desçent de sa voiture, entre au cabaret, il y trouve un dejeuné préparé pour autrui. Sir Leon mange le dejeuné par distraction. Le cabaretier lui presente le compte. Sir Leon fait un billet à sa femme pour la prier de payer.

Ch. 11. Sur le chemin de Czarsko-çelo sir Leon rencontre une troupe des gens à cheval, qu'il prend pour des voleurs de grand chemin. En voulant mettre la tete à la portière, il donne du front dans la glace qui se brise, et lui fait quelques égratignures.

Ch. 12. Sir Leon inquiet sur les suites de cet accident, fait halte au cabaret, ou se croisent les chemins de *Trirouky*, ici il rencontre son ancien ami. St. en station, ils vuident ensemble une pinte de *Porter*.

Ch. 13. Il arrive à Carsko-Çelo, il fait visite à Mr. K. qui le reçoit en robe de chambre. Il va dinner chez B. ou il convoite un gros jambon, il l'obtient comme provisions de voyage, il l'emporte sous son manteau. L'après diner il rode en voyageur pour s'instruire; il trouve

struire, il trouve le chateau inhabité. Il va voir le Parnasse etc.

Chapitre XIV.

Du silence qu'il faut garder sur le reste du voyage jusqu'a Polotzk crainte de donner dans le genre ennuyeux.

Chapitre XV.

Arrivé a Polotzk, il va voir ses anciens amis primo les jesuites. Secundo les juifs. Il mange et il boit partout beaucoup, ce qui lui donne une sorte d'indigestion accompagnée de battemens de cœur, pendant laquelle n'ayant rien a faire il a écrit une lettre fort tendre a sa chere epouse ou il lui fait le recit de ce qu'il a vu, mangé et bu, cette lettre comence par ses mots «ma chere» et finis par ceux-ci «je vous embrasse un million de fois».

Chapitre XVI.

Sir Leon arrive a Mogilef, il va rendre visite a Mr. P. Ils passe en revue toutes les espiègleries qu'ils ont fait ensemble depuis trente ans. Mr. P. demande les raisons de ce voyage. Sir Leon lui en dit de tres mauvaises et lui tient des propos qui ressemble assés a du galimathias ce qui fait suposer a l'autre qu'il y entre une sorte de politique dans les raisons de ce voyage.

Chapitre XVII.

Entre Magilef et Staradub une des roues du carosse de sir Leon souffre un echec.

Chapitre XVIII.

Passé Staradoub sir Leon trouve des chemins affreux causé par des pluyes continuelles. Il risque de perir dans les boues.

Chapitre XIX.

Il pense s'evanouir de peur en passant sur le pont de Boristhene. Les douzes raisons pour lesquels sir Leon

le chateau inhabité; il va au Parnasse etc. etc. etc.

Ch. 14. Du silence qu'il faut garder sur le reste du voyage jusqu'à Polotzk. Dissertation sur le genre ennuyeux.

Ch. 15. Arrivé à Polotzk, il va voir ses anciens amis: primo les jesuites. Secondo, les juifs. Il mange et boit par tout beaucoup, ce qui lui donne une sorte d'indigestion accompagnée de battement de cœur, pendant laquelle n'ayant rien à faire, il écrit une lettre fort tendre à sa chere epouse, ou il lui fait le recit de ce qu'il a vû, mangé, bû; cette lettre commence par ces mots: *ma chere* et fini par ceux-ci: *je vous embrasse un million de fois.*

Ch. 16. Sir Leon arrive à Mogilef, il va rendre visite a Mr. P. Ils passent en revuë toutes les éspiegleries qu'ils ont faits ensemble depuis 30 ans. Mr. P. demande les raisons de ce voyage. Sir Leon lui en dit de trés mauvaises, et lui tient des propos qui ressemblent assés à du galimatias, ce qui fait suposer à l'autre qu'il y entre une sorte de politique dans les motifs de ce voyage.

Ch. 17. Entre Mogilef et Starodoub, une des roues du carosse de sir Leon souffre une échec.

Ch. 18. Passé Starodoub, sir Leon trouve des chemins affreux causés par des pluyes continuelles, beaucoup des ponts sont rompûs par les eaux, il risque de perir dans les boues, il verse une couple de fois, il fait une partie du chemin à pied.

Ch. 19. Sir Leon pense s'evanouir de peur lorsqu'il passe le pont flotant du Boristene sous Kiow. Douze raisons pour les quelles sir Leon ne

arrivés a Kiovie ne descend point dans les catacombes. Sur douze raisons il y en a deux de bonnes et dix de mauvaises.

Chapitre XX.

Il prend un accès de devotion a sir Leon il coure de couvent en couvent tant a Kiovie qu'a l'entonr. Dans chaqu'un d'iceux et chés les connoisance on lui presente un verre d'eau de vie. Dans une matinée il en prend par politesse une qnarantaine.

Chapitre XXI.

Sir Leon ce pame d'admiration pour les clochers dorée qu'il voit de toute part a l'entour de lui.

Chapitre XXII.

Depart de Kiovie.

Chapitre XXIII.

En approchant de Cherson il voit de loin des Turks. Le soir de son arrivée. il lui prend un mal de tete ce qui lui donne de l'aprehension comme quoi la vuë des musulman lui auroit donné de la peste. Il sue beaucoup la nuit, et ce trouvant mieux, il part le lendemain de grand matin crainte de recidive.

Chapitre XXIV.

Arrivée de sir Leon a Sebastianopol, il y voit non sans effroi pour la premiere fois la Mer Noire.

Chapitre XXV.

Sir Leon est obligé de s'arretter deux fois vingt quatre heures a Sebastianopol; Il employa utilement ce tems a etudier a fond l'Histoire fabuleuse, profane, ecclesiastique et naturelle de la Tauride.

Chapitre XXVI.

Sir Leon s'embarque sur un paquetboot pour Konstantinople.

Chapitre XXVII.

Description poetique du rivage de la Tauride, de ses charmans vallon, des montagnes riantes etc.

desçent point dans les Catacombes de Kiowie, sur douze raisons il y en a dix de mauvaises.

Ch. 20. Il prend à sir Leon un acçés de devotion, il coure de couvent en couvent, tant à Kiow qu'à l'entour, dans chacun d'iceux et chez ses connoissances on lui presente un verre d'eau de vie, dans une matinée il en prend par politesse une quarantaine.

Ch. 21. Sir Leon se pame d'admiration pour les clochers dorés, qu'il voit de tout côté à l'entour de lui.

Ch. 22. Depart de Kiow.

Ch. 23. En approchant de Cherson, il voit de loin des Turcs. Le soir de son arrivé il lui prend un mal de tête, ce qui lui donne de l'aprehension, comme quoi la vuë des Musulmans lui auroit donné de la peste. Il sue beaucoup la nuit, et se trouvant mieux, il part le lendemain de grand matin crainte de recidive.

Ch. 24. Arrivé de sir Leon à Sebastopol, il y voit non sans effroi pour la premiere fois la Mer Noire.

Ch. 25. Sir Leon est obligé de s'arretter deux fois vingt quatre heures à Sebastopol. Il emploie utilement ce temps à étudier a fond l'histoire fabuleuse, profane, ecclesiastique et naturelle de la Tauride. Il se propose d'en donner une nouvelle au public à son retour.

Ch. 26. Sir Leon s'embarque sur un paquetboot pour Constantinople.

Ch. 27. Description poëtiqne des côtes de la Tauride, de ses charmans vallons, des montagnes riantes etc. etc. etc.

Chapitre XXVIII.

A mesure que sir Leon s'eloigne des cotes le vent devient plus fort, les vagues s'elevent, le soleil s'obscurcit, le tonnere gronde, la foudre tombe tout pret du navire, il en est quitte pour la frayeur.

Chapitre XXIX.

Le vent redouble de force et en trente six heures on aborde a Therapia.

Chapitre XXX.

Sir Leon est tres bien accueilli a Konstantinople il aprend que la peste y fait du ravage.

Chapitre XXXI.

Le gr. seigneur informé de son arrivé desire de le voir.

Chapitre XXXII.

Sir Leon se dit malade pour eviter cette entrevue en tems de peste.

Chapitre XXXIII.

On persuade sir Leon de ce rendre ches le sultan; raisons qu'on lui allegue, il fait l'enfant.

Chapitre XXXIV.

La peste diminuë. Sir Leon a une entrevuë avec le Gr. Seigneur, celui le prie de lui dresser un cheval.

Chapitre XXXV.

Sir Leon ne sachant comment s'y prendre on lui conseille d'acheter un cheval tout dressé et de le presenter a Sa Hautesse.

Chapitre XXXVI.

Le sultan donne a sir Leon la charge de Bogouk Ibragor.

Chapitre XXXVII.

Sir Leon retourne une seconde fois au serail pour remercier le Gr. Sultan, on fait monter un nain de Sa Hautesse sur le cheval qu'avoit presenté sir Leon; le cheval se cabre, le nain tombe ce demet la hanche la colere de Sa Hautesse rejaillit sur le nouveau Bogouk Ibragor on lui ote sa dignité et peut s'en faut qu'on ne

Ch. 28. A mesure que sir Leon s'eloigne du rivage, le vent devient plus fort, la mer plus agitée, le soleil s'obscurçit, le tonnere gronde, la foudre tout prêt tombe du navire il en est quite pour la frayeur.

Ch. 29. Le vent redouble de force, et en 36 heures on aborde à Therapia.

Ch. 30. Sir Leon est tres bien accueilli à Constantinople, à son arrivé il apprend que la peste y fait du ravage.

Ch. 31. Le Grand Seigneur informé de son arrivé, désire le voir.

Ch. 32. Sir Leon se dit malade pour eviter cette entrevuë en tems de peste.

Ch. 33. On persuade sir Leon de se rendre chez le sultan; raisons qu'on lui allegue, il fait l'enfant.

Ch. 34. La peste diminue. Sir Leon a une entrevuë avec le Grand Seigneur dans un sciosque proche d'un magasin à poudre. Le sultan prie sir Leon de lui dresser un cheval.

Ch. 35. Sir Leon ne sachant comment s'y prendre, on lui conseille d'acheter un cheval tout dressé et de le presenter à Sa Hautesse.

Ch. 36. Le sultan en reconnoissance donne à sir Leon la charge de Bougouk Ibragor.

Ch. 37. Sir Leon retourne une seconde fois au serail pour remercier le Grand Sultan. On fait monter un nain de Sa Hautesse sur le cheval qu'avait presenté sir Leon, le cheval se cabre, le nain tombe, se demet la hanche, la colere du Sultan rajaillit sur le nouveau Bougouk Ibragor, on lui ote Sa dignité, le méchant nain l'accuse d'avoir brigué sa

l'etrangle dans la prison du Bostangis ou il est confiné.

Chapitre XXXVIII.

Sir Leon a l'aide de deux Juifs et d'un Grec ce sauve de la prison du Bostangis Bacha et s'embarque pour les Dardanelles.

Chapitre XXXIX.

Il passe les chateaux au moment meme qu'on y fait une épreuves de pieces de 36. les boulets rase la surface du vaisseaux quelques éclats de bombes tombe proche de sir Leon. il tombe sur le tillac, on le croit un instant mort, puis blessé, on le saigne il revient a lui et en est quite encore une fois pour la frayeur.

Chapitre XL.

Le vent est bon, on passe Lemnos, et les autres Isles de l'Archipel sans accident.

Chapitre XLI.

Un calme parfait les attend dans la Mediterranées, pendant lequel le vaisseau est pris par les Corsaires d'Alger. Sir Leon est reservé pour la part du Dey.

Chapitre XLII.

Comme quoi sir Leon a Alger obtient l'importante comission de porter pendant dix ans l'eau pour la cuisine du Dey.

Chapitre XLIII.

Sa chere epouse informé de cet évenement employe toute sorte de moyen pour le racheter.

Chapitre XLIV.

Sir Leon obtient la liberté moyennant une rançon de 50 mille roubles au bout de cinq ans.

Chapitre XLV.

Il s'embarqua a Alger traversa le canal de Gibraltar fort heureusement.

Chapitre XLVI.

Parvenu au Cap Finistern le vaisseau est assailli d'une forte tempete. Il en essuye une seconde dans

place, peu s'en faut qu'on ne l'etrangle dans la prison du Bostangis ou il est confiné.

Ch. 38. Sir Leon à l'aide de deux Juifs et d'un Grec se sauve de la prison du Bostangis Bacha, et s'embarque pour les Dardanelles.

Ch. 39. Il passe le chateau au moment même qu'on y fait une épreuve de pieces de 36. Lcs boulets rasent la surface du vaisseau, quelques éclats de bombes tombent proche de sir Leon, il tombe sur le tillac, on le croit un instant mort, puis blessé, on le saigne, il revient à lui, et en est quite encore une fois pour la frayeur.

Ch. 40. Le vent est bon, on passe Lemnos et les autres isles de l'Archipel sans aucun accident.

Ch. 41. Un calme parfait les atend dans la Mideterannée, durant lequel le vaisseau est prit par les corsaires d'Alger. Sir Leon est reservé pour la part du Dey.

Ch. 42. Comme quoi sir Leon à Alger obtient l'importante commission de porter dans un outre sur son dos pendant dix ans l'eau pour la cuisine du Dey.

Ch. 43. Sa chere epouse informée de cet évenement, employe toute sorte de moyens pour le racheter.

Ch. 44. Sir Leon obtient sa liberté moyennant une rançon de 50 mille roubles au bout de cinq ans.

Ch. 45. Il s'embarque à Alger, traverse le canal de Gibraltar fort heureusement.

Ch. 46. Parvenu au Cap Finistere le vaisseau est assailli d'une forte tempete. Il en essuye une seconde dans la Manche. Parvenû au Sund

la Manche. Parvenu au Sund le vaisseau touche terre. Sir Leon est obligé d'en prendre un autre.

Chapitre XLVII.

Dans la Baltique sir Leon est contrarié par les vents contraires. A la hauteur de Revel le vaisseau donne contre un rocher sans etre endomagé.

Chapitre XLVIII.

Entre Revel et Cronstadt sir Leon est balloté par les vents pendant dix jours.

Chapitre XLIX.

A la vuë de Cronstadt un vent contraire repousse le vaisseau jusqu'a Krasno gorka.

Chapitre L.

Le vaisseau de sir Leon passe enfin entre Cronslot et Cronstadt, en entrant dans le port il heurta contre le mur une planche ce detache, sir Leon veut sauter dans une chaloupe il tombe dans l'eau, on tache de le racroche l'Amiral Gr. ce promene sur le port accompagné de deux chiens de Terre neuve, ceux ci ce jette a la nage vont au font retire sir Leon par les pied de la vase ou sa tete etoit enfoncé, retiré sur l'eau on le roule sur un tonneau on le rapelle a la vie. Il est rendu a sa chere epouse a ses enfans danse illuminations et partie de plaisir au sujet du retour de sir Leon.

FIN.

le vaisseau touche terre. Sir Leon se voit obligé d'en louer un autre.

Ch. 47. Dans la Baltique sir Leon est contrarié par les vents. A la hauteur de Réval le vaisseau donne contre un rocher et reçoit voye d'eau, tout le monde est obligé de pomper jour et nuit. On parvient à boucher la voye d'eau.

Ch. 48. Entre Reval et Cronstadt sir Leon est balloté par les vents ça et là pendant dix jours.

Ch. 49. A la vuë de Cronstadt un vent contraire renvoye le vaisseau jusqu'à Krasnaja-gorka.

Ch. 50. Le vaisseau de sir Leon passe enfin entre Cronslot et Cronstadt, en entrant dans le port il heurte contre le mur, une planche se detache, sir Leon veut sauter dans la chaloupe, il tombe dans l'eau, on tache à le racrocher mais en vain. L'Amiral Gr. se promene sur le port accompagné de deux chiens de Terre neuve. Ceux-ci se jettent à la nage, vont au fond, retirent sir Leon par les pieds de la vase ou la tête etoit enfonçé. Les matelots avec des crocs viennent à l'aide des chiens, retiré de l'eau, on le roule sur un tonneau. Sir Leon est rappelé à la vie et rendû à sa chere epouse et à ses enfans. Description des illuminations, feu d'artifice, allegories, inscriptions et parties de plaisir, qui ont lieu au sujet du retour de sir Leon.

FIN.

VII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ, СЪ СОБЛЮДЕНІЕМЪ ОРѲОГРАФІИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Дѣдушка мой на сихъ дняхъ читая въ «Собесѣдникѣ» вопросы не извѣстнаго, и отвѣты на оные во-

ТОТЪ ЖЕ ОТРЫВОКЪ, КАКЪ ОНЪ ПОМѢЩЕНЪ ВЪ «СОБЕСѢДНИКѢ», IV, 163 — 164.

Дѣдушка мой на сихъ дняхъ читая въ «Собесѣдникѣ» вопросы неизвѣстнаго и отвѣты на оные сочи-

просы сочинителя были и небылитцы закрылъ книгу, потомъ глаза, накланилъ голову на грудъ, и былъ нѣсколько врямо безо всякого движеніе, окружающіе его мы родныя и двоюродныя внучата поль десятокъ подумали что заснулъ по своему обыкновенію, ибо отобѣдалъ, стали говорить полуголосомъ и ходитъ на цыпочки, но когда онъ благосклонно молвилъ, щеняты что балагурить перестали? Тогда узнали мы что задумался толко, а какъ за симъ послѣдуетъ почти всегда какое ни на есть примѣчаніе достойное израженіе, то приближились мы къ нему дабы ловить чего ни на есть но не мухи... не долго остались мы во ожиданіи. Дѣдюшка выпрямился на коженныхъ крѣслахъ и сказалъ молокососы не знаетѣ вы того чего я знаю въ наши врямена вопросы никто не любилъ онѣ производились совокуплено съ непріятными обстоятельствами для каждаго и для того тогда оныхъ не любилъ никто подобныя обороты и въ мыслѣхъ не вмѣщаются, шутошныя же отвѣты на подобныя вопросы не суть нашего вѣка; смотритѣ самы какъ выпутатся изъ того, сіе дѣло не мое и я въ оное не вхожю вамъ же совѣтую буде вы давать хотитѣ задачи оныхъ искать въ моемъ любимомъ ларцѣ, число ихъ неисчерпаемъ напримѣръ Академическая прямая задача будетъ: кой причины ради нось въ длину а ротъ поперегъ а не инако? либо для чего руки, ноги, крылья, у животныхъ парно а не одинакія? подобныя вопросы подадугъ случай къ испытанію мало извѣстнаго и къ заключеніямъ разнымъ иныя будутъ правилныи а иныя неправилныи какъ водится между людми.

нителя «Былей и небылицъ» закрылъ книгу, потомъ глаза, наклонилъ голову на грудь и былъ нѣсколько времени безо всякаго движенія. Окружающіе его (мы внучата его родные и двоюродные съ полдесятка) подумали, что по своему обыкновенію дѣдушка нашъ заснулъ, потому что отобѣдалъ, стали говорить въ полголоса и ходить на цыпочкахъ; но когда онъ благосклонно промолвилъ: что вы щенята перестали балагурить? тогда узнали мы, что онъ только задумался; а какъ за симъ обыкновенно послѣдуетъ какое ни на есть достопамятное изреженіе или мысль, то приближились мы къ нему дабы что нибудь изловить... но не муху... не долго мы оставались въ ожиданіи; Дѣдушка выпрямясь на своемъ кожаномъ креслѣ сказалъ: «Молокососы! не знаете вы, что я знаю, въ наши времена никто не любилъ вопросовъ; ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства, намъ подобные обороты кажутся неумѣстны, шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый поджавъ хвостъ отъ оныхъ бѣгалъ. Смотрите сами какъ должно изъ того выпутываться; дѣло сіе не мое, и я въ чужіе хлопоты не мѣшаюсь, вамъ же совѣтую есть-ли задачи свѣту задавать хотите, искать оныхъ въ моемъ любимомъ ларцѣ, онъ не изчерпаемъ; на примѣръ: прямая Академическая задача: *коей причины ради носъ въ длину, а ротъ поперегъ, а не инако,* или *для чего руки ноги, крылья у животныхъ попарно, а не по одиначкѣ.* Подобные вопросы подадутъ случаи къ испытанію мало извѣстнаго и къ заключеніямъ глубокоизысканнымъ, иныя будутъ правильныя, иныя не правильныя, какъ между людьми водится. Уму чело-

вѣческому во всякомъ случаѣ предлежитъ много дорогъ разныхъ, прямыхъ и съ излучинами: дѣло въ томъ, чтобъ не збиться, а дойти.

VIII.

Опыты въ стихотворствѣ (см. выше стр. 36 — 37).

Voila notre vaisseau, sur (1) un banc de sable,
Pour le mettre (2) a flot, il faut (3) l'alleger.
Le plus lourd et pesant ira un peu (sic) (4) nager,
(5) Grand ecuyer a cheval ou sur cable.

1) Dessus, 2) qu'il soit mis, 3) faudra, 4) bientot, 5) Comme un.

Эти стихи рукою Екатерины, примѣчанія же и слѣдующіе стихи писаны принцемъ де Линемъ.

Adjudant du Heros que l'on nomme en ces vers,
Paresseux tout au moins ainsi que ce brave homme,
De la part d'Apollon j'ose donner la pomme
A celle qui jamais en rien n'a de revers.

На другомъ листкѣ со множествомъ помарокъ рукою Екатерины:

Cent fois j'ai pris ma plume et cent fois l'ai jetté,
Ma raison est guindé, ma rime est emprunté.

(Далѣе въ зачеркнутомъ можно прочесть: mes vers sont bien mauvais... l'Hemistiche etouffe la pensée).

Ma prose etoit facile, mes vers... (зачеркнуто: sont detestables).

За тѣмъ слѣдуютъ рукою графа Сегюра «Regles des vers alexandrins»:

Première.

Le vers Alexandrin doit avoir six pieds, ou douze sillabes puisque chaque pied est composé de deux cillabes.

Exemple.

1 2 3 4 5 6
Cathe|rine| sans scept|re et fort| loin des| grandeurs|

1 2 3 4 5 6
Auroit| encore| trouvé| son thro|ne dans| nos cœurs|.

Seconde.

Il doit avoir un hemistiche, c'est à dire qu'à la moitié du vers, au bout de trois pieds, ou de six sillades, il doit y avoir repos: pour que ce repos soit exact il n'est pas necessaire que le sens soit fini, mais il faut que cette sixieme sillabe finisse un mot, et ne le coupe pas par la moitié.

Exemple.

1 2 3
Le sort| seul fait| les Rois| |Et les donne à la terre

1 2 3
Mais on| regne| partout| |quand on a l'art de plaire.

Troisième.

Il y a des vers masculins et feminins, les premiers sont ceux qui finissent par toute autre sillabe que l'E muet, qui est l'E sans accent. Les autres sont ceux qui se terminent par cet E muet. Il faut toujours après deux vers masculins placer deux feminins comme ci dessus, à moins qu'on ne les croise ce qui sera expliqué ailleurs. Comme dans les vers masculins tout se prononce ils n'ont que douze sillabes. La dernière sillabe ne se prononçant point, dans le vers feminin il en a treize.

Exemple.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
Le ciel mit une borne à toute autorité

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
L'Empire seule des cœurs n'est jamais limité.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13
Des temps comme des lieux, l'amour franchit l'espace

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13
Et rien n'est etranger au sceptre de la grâce

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
De l'esprit, des vertus — ces surs et doux attraits

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
Catherine partout te donnent des sujets.

Quatrième.

L'Elision est la regle la plus necessaire à connoitre et c'est celle contre laquelle pechent le plus souvent ceux qui commencent à faire des vers. Elle est cependant très simple et ne demande qu'une très legère attention. Elle consiste à savoir que la lettre E est une sillabe qu'on compte, et qu'on prononce quand elle est suivie par une consonne et que cette meme lettre E n'est plus une sillabe, ne se prononce pas et ne compte pas dans un vers toutes les fois qu'elle est suivie par une voyelle, parcequ'alors il y a ce qu'on appelle elision, c'est à dire que l'E est mangé et se confond avec le son de la voyelle suivante.

Exemple.

Mais je cesse d'ecri*re et* [1]) je vois ma folie.
Comment oser donner une règ*le au* génie?
C'est d'un aig*le a*rreter le vol audacieux,
A-t-on besoin de rou*te en* volant dans les cieux.

---

1) Elision.

Cinquième.

Il faut que la rime soit toujours exacte et qu'elle n'ait pas l'air d'avoir gêné la pensée. Les régles en sont trop connues pour les expliquer. Plus les mots qui doivent rimer ensemble auront des terminaisons ressemblantes à l'oreille et aux yeux, plus la rime sera riche.

Exemple.

Après les mots d'esprit, grâce et bonté divine,
La rime et la raison nommeront Catherine.

Sixième.

Il faut éviter l'hiatus c'est la rencontre de deux voyelles dont la prononciation est desagreable. Ainsi l'on ne peut pas dire en vers: du moment qu'on vous a vu, on vous aime, mais on le dira toujours en prose avec verité. On prendra une autre tournure en poesie. On dira:

Aussitôt qu'on vous voit, il faut que l'on vous aime.

Avec l'observation exacte de ces six règles les vers sont corrects, mais ils ne sont bons, que lorsque les poesies sont ingénieuses, et les expressions choisies.

Sur ce point delicat, loin d'etre un bon modele
J'ai besoin de leçons, et d'un guide fidele.
Ce sont les loix du gout, quand je les tracerois
Ce seroit vos écrits qu'alors je copierois.

IX.

ЭПИТАФІИ [1]).

Ci-git Sir Tom Anderson.

Il passa d'Angleterre en Russie l'an 1769,
Non par curiosité, à l'exemple de ses compatriotes,
Ou pour s'y livrer aux spéculations du sistème mercantil,
Mais avec le noble projet d'être placé à la Cour.
Il y vécut, il y fut chéri, il s'y soutint.
Liberté et proprieté (sic) fut sa devise.
Les maximes, dans lesquelles il avait été élevé,
Se montraient dans son caractere dans toutes ses actions, et il ne les abandonna jamais.
Sensible à l'amitié, il choisissait ses amis avec discernement.

---

1) Первая вырѣзана на гробницѣ, которую и теперь можно видѣть за пирамидою въ Царскомъ Селѣ.

Sans artifice, il ne flatta personne, au contraire il grondait et meme avec humeur ceux qui lui déplaisaient.
Quoiqu'il jouit de la plus haute faveur, il ne souffrait qu'avec repugnance la flatterie et dédaignait les caresses des courtisans.
Il aimait la societé, et y etait consideré.
Il fut mari tendre, et bon pere.
Sa nombreuse posterité le respectait.
Il y entretenait la paix par une subordination exacte.
Il s'occupait volontiers lui-même de l'éducation de ses enfants.
Pour y donner plus de soins, il prenait part à leurs amusemens.
A cet éffet, et pour vivre au sein de sa famille,
Il quittait sans peine le palais des Rois, et allait fréquenter les bois et les chaumières.
La chasse, qu'il aimait, lui procura un jour l'occasion de servir la cause publique;
La sagacité de son esprit lui fit découvrir un voleur, poursuivi par deux laboureurs, qui se sauvait dans l'epaisseur de la forêt; il ralentit la course du voleur, en lui pinçant à propos les jambes jusqu'à l'arrivée des laboureurs.
Passant,
Si cet eloge vous interesse,
Sachez que c'est la verité rigoureuse qui l'a tracé
C'est le juste tribut, payé par l'amitié
A la memoire d'un levrier, jaune et blanc haut d'un pied et demi [1]).

—

Epitaphe de Catherine Seconde modelé sur celle de sir Tom Anderson.

Ci git

Catherine Seconde

née à Stettin le $^{21}/_{2}$ $\frac{\text{d'avril}}{\text{may}}$ 1729.

Elle passa en Russie l'an 1744 pour epouser Pierre III.
A l'age de quatorze ans elle forma le triple projet de plaire à son epoux, à Elisabeth et à la nation.
Elle n'oublia rien pour y reussir
Dix huit année d'ennuy et de solitude lui firent lire bien de livres.

---

1) Эта эпитафія писана неизвѣстною рукою, слѣдующая — самою Екатериною, также какъ и третья на особомъ лоскуткѣ:

Ci git sir Tom Anderson
Qui toujours avoit raison.
Grand chasseur de nature
Tout lüi servoit de pature
Mouches, betes ou reptiles.

Parvenu au throne de Russie elle voulut le bien et chercha a procurer a ses sujets bonheur liberté et proprieté
Elle pardonoit aisement et ne haissoit personne
Indulgente, aisé a vivre, d'un naturel guai, l'ame republicaine et le cœur bon.
Elle eu des amis (зачеркнуто: ne lui manquerent pas)
Le travail lui étoit facile, la societé et les Arts lui plaisoit (прежде было: ne lui deplaisoit pas).

—

Мелкія замѣтки, писанныя Екатериною II.

J'ai oté (зачеркнуто: fort) dans beaucoup d'endroit le mot de *нашихъ* parceque l'on n'est jamais dit-on plus sot que lors qu'on parle de soit meme.

Ce plan (?) a un grand defaut s'est qu'il fera commencer l'ouvrage par la queuë, il est fort bien de commencer par faire un tableaux de l'Empire; mais quand il s'agira de faire le plan de la nouvelle regie il faudra comencer par les уезды car d'etablir des gouvernail quand on n'a pas encore la mesure du navire deviendrai et ridicule et inutile et il faudroit pourtant apres refaire et rechanger ce qu'on avoit deja fait et ce seroit doubler l'ouvrage.

—

Я бъ хотѣлъ чтобъ Самодержица была славнеишая, имперіи силнеишеѣ, (зачеркнуто *наши*) генералы искуснеишіи, правителы просвѣщеннейшіи, судьи правосуднеишіи, и сограждани наши народъ счастливѣишей въ свѣтѣ.

Москвичи Москву страстно любять и думаютъ что не (сверху строки: «тъ спасеніе окромѣ») живутъ нигдѣ окромѣ въ Москвѣ, однако все богачи, все имущіе люди послѣднимъ зимнымъ путемъ выежжаютъ изъ Москвы и возвращаются (зачеркнуто: «прежде») къ рожеству то есть живутъ на Москвѣ отъ декабря по февралъ. Болшія господа пребываютъ въ подъ московны.

Въ Москвѣ строятъ прекрасные дома посреди хиженъ.

Когда девка говоритъ пошептомъ тогда смотри объѣдитъ обманомъ.

—

Безъмѣрной смѣхъ.
Улыбка.
Улыбка надменная.
Глупой смѣхъ.
Невинной смѣхъ.
Улыбка отъ привычки.
Улыбка отъ учтивости.
Улыбка непріятная.
Улыбка пріятная.
Смѣхъ.
Пріятной видъ.
Лицѣмерной смѣхъ.
Притворной смѣхъ.
Лукавой смѣхъ.
Злостной смѣхъ.
Удержанной смѣхъ.
Принужденной смѣхъ.
Досадной смѣхъ.
Досадительной смѣхъ.
Насмѣшка мстительная.
Насмѣшка досадителная.
Насмѣшка невинная.

Насмѣшка умная.
Насмѣшка глупая.
Смѣхъ отъ радости.
Смѣхъ отъ досады.
Смѣхъ отъ гордости.
Смѣхъ отъ самолюбіе.
Хахатаніе.

—

Monument de Mon Amour proprc.

Ce 4 Juillet 1781 il m'est tombé entre les mains Catalogue de un livre dans lequel j'ai trouvé une brochure intitulé Eloge de Catherine seconde Imperatrice de Russie et aussitot je l'ai fait aporter, je l'ai trouvé imprimé à Londres en 1776 par consequent j'ignorois depuis six ans qu'il existoit. Il me paroit que c'est quelque etudiant qui a voulu tracer un modele de Souverains il paroit fort mal instruit et malgré les excessives louanges a tort et a travers jamais livre ne me causa plus d'ennuy ce livre d'ailleurs est rempli de fausseté et de fausseté inventé par l'auteur.

—

Je suis tres d'avis avec Mr. Euler que le nombre des savans ne soit point fixe ni leurs salaire determinés, mais qu'uniquement il y aye un fond destinés pour l'Academie.

Il seroit très a souhaiter que plusieurs d'entres ses Messieurs puissent avec sela posseder des charges utiles au services de l'Empire, mais en cela il y a plus de difficultés a les employer ici qu'ailleurs, a cause qu'il y en a peu qui sachent la langue du pays.

L'Academie des Sciences peut etre dechargé d'élever des gens pour les Arts, et si elle a besoin d'Artiste elle peut toujours engager quelques uns de ceux de l'Academie de Beaux Arts sur telle condition quelle trouvera a propos. Ceux ci ont entiere liberté de faire tel ouvrage et tel marché qu'il leur convient sans que l'Academie des Arts s'en puisse meler.

X.

Письмо Екатерины II къ Фридрпху Великому.

A Moscou ce 14 d'Octobre 1767.

Monsieur mon frere. En conformité des desirs de Vorte Majesté, j'ai fait remettre aujourd'hui a son ministre le C-te de Solms la traduction Allemande de l'instruction que j'ai donné pour la reformation des Loix de la Russie. Vorte Majesté n'y trouvera rien de nouveau, rien qu'Elle ne sache; Elle verra que j'ai fait come le corbeau de la fable qui ce fit un habit des plumes du Paon. Il n'y a dans cette Piece de moi que l'arangement des matiere et par ci par la une ligne, un mot, si on rassembloit tout ce que j'y ai ajouté, je ne crois pas qu'il y eu au dela de deux ou trois feuilles. La plus grande partie est tiré de l'esprit des Loix du President de Montesquieu, et du traité des delits et des peines du marquis Beccaria.

Votre Majesté trouvera peut etre extraordinaire qu'après cet aveu je lui envoye une traduction Allemande tandit que la Françoise paroitroit plus naturelle. En voici la raison: l'original Russe ayant été mitigé, corrigé, accommodé a la possibilité et au local, il a été plus aisés pour ne point faire attendre V. M. d'achever la traduction, Allemande deja commencé que d'avoir une demie copie demie traduction françoise, faute d'avoir quelqu'un qui entendit parfaitement le Russe et le Français; cependant l'on va comencer incessament aussi cette derniere traduction. Je dois prevenir Votre Majesté de deux chose: l'une qu'elle trouvera differens endroits qui lui paroitront peut etre singuliers, je la prie de se souvenir que j'ai duë m'accommoder souvent au present et cependant ne point fermer le chemin a un avenir plus favorable. L'autre que la langue Russe est beaucop plus énergique et plus riche en expression que l'Allemand et en inversions que le François, preuve de cela c'est que dans la traduction l'on a souvent été obligé de paraphraser ce qui avoit été dit avec un seul mot en Russe et separer ce qui ne faisoit pour ainsi dire qu'un trait de plume. Ceux qui ont reproché a cette derniere langue de manquer de termes, ou se sont trompés ou n'ont point su cette langue.

Ce me seroit une marque bien sensible de l'amitié de Votre Majeste, si Elle jugeoit a propos de me communiquer ses avis sur les defauts de cette piece, ils ne pouroit que m'eclairer dans un chemin aussi nouveau que difficil pour moi et ma docilité a la reformer montreroit a Votre Majesté le cas infini que je fais de son amitié et de ses lumieres, etant toujours avec la plus haute consideration.

M-r. mon frere
de V. M.

Это самое письмо переписано потомъ рукою переписчика съ поправками правописанія императрицы, но безъ малѣйшаго измѣненія слога.

Письма княгини Дашковой.

XI.

Madame.

Dans ce moment je viens de recevoir la piece ci jointe qui s'adresse a l'Auteur des «Были и Небылицы». Après que Votre Majesté l'aura lue je la suplie de me la renvoyer, afin que je puisse la faire insserer dans le volume qui est maintenant sous presse. Vous voyez Madame que l'opinion que j'ai des «Были и Небылицы»: ne m'est point particulliere et que notre journal tomberoit sans eux. Je dirai meme plus. L'on nous desertera davantage et ceux qui empeche les ecrivains de nous aider ce croiront plus autorrisé que jamais, a persecuter tous ceux qui oseront assumer de l'esprit et du gout pour la litterature. Avec une confiance nette sous un souverain Philosophe et vertueux et ayant le bonheur d'en etre traitte comme je la suis, il faudroit que j'aye l'ame bien rampante pour craindre qui que ce

soit; mais je crains d'etre l'instrument innocent, des desagrement que des honnetes gens reçoivent de leurs superieurs. si l'auteur des «Были и небылицы» vouloit avoir la bonté d'exprimer quelques sentiments qui encourageassent les Auteurs, il obligeroit l'humble Editeur, et le Public en meme temps. C'est avec l'attachement et le respect le plus illimité que j'ai l'honneur de me dire.

Madame

de Votre Majesté Imperial

La très soumise et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Ce 29 Septembre.

Примѣчаніе. Упоминаемая здѣсь статья напечатана въ VI ч. «Собесѣдника», вышедшей 10 октября 1783. См. выше стр. 19—20.

XII.

Madame.

J'ose suplier Votre Majesté de jetter un coup d'oeil sur le petit Discours que je me propose de begayer a l'occasion de l'assemblée publique a l'Academie des Sciences, fixée au 10 de ce mois; c'est Vous Madame qui a developpé mon ame, et m'avez donné des facultez; ainsi Vous devez me pardonner si ma sollicittude pour ne pas vous deplaire m'enhardit a Vous importuner.

Comme editeur du «Собеседникъ» reçevant toutes les pieces tant bonne que mauvaise, je dois aussi Madame joindre ici une piece qui adressée à l'Auteur des «Были и Небылицы» m'est parvenue dans ce moment; on la dit etre du Comte Romantzoff mais il m'en a fait un secret et je ne l'ai sçut que par briccole, je suplie Votre Majesté de me dire si la premiere de ces paperasse est passable et si la seconde doit etre imprimée. Au reste c'est avec l'attachement et le respect le plus inviolable que j'ai l'honneur de me dire

Madame

de Votre Majesté

La très fidelle et très soumise sujette P. de Daschkow.

Примѣчаніе. Отвѣтъ на это письмо императрицы есть въ Запискахъ Дашковой (I, 327—328): «Чтобы выразиться съ бóльшею скромностью, не лучше ли было бы вмѣсто слова *никто* поставить *не всѣ*? Прошу васъ вычеркните выраженіе *несравненная*, иначе этой гиперболой вы напомните г-жу Секондà, крестницу президента Монтескье. Вычеркните также: *какъ благодѣтельное божество*: апоѳеозисъ не терпимъ христіанскою религіею, и я страшусь, что мнѣ никогда не бывать святой, потому что положила нѣкоторыя ограниченія свѣтской власти духовенства. (Далѣе слѣдуетъ отвѣтъ, быть можетъ на другое, неизвѣстное мнѣ письмо Дашковой). Я пробѣжала произведеніе, присланное отъ князя Голицы-

на (?) изъ Вѣны: оно очень напыщено, и мнѣ кажется, что авторъ не совсѣмъ ясно изучилъ свой предметъ. Что же касается статьи г. Р., то я на ней написала большими буквами: *въ сторону.* J'ai l'honneur d'etre tout ce qu'il faut au bas d'une lettre».

Публичное засѣданіе Академіи наукъ, гдѣ произносила Дашкова рѣчь, было 10 октября 1783 года. Въ напечатанной въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1783 года № 82, рѣчи только сказано, что академическія награды «Академія, по щедрости монархини, для приращенія наукъ и въ пользу не только счастливой подъ ея державою имперіи, но и всего ученаго свѣта ежегодно раздаетъ.» Дашкова сама разсказываетъ, что она не любила посѣщать ученыхъ засѣданій, а тѣмъ болѣе публичныхъ, но настоянія пріятельницы ея, мистрисъ Гамильтонъ убѣдили ее явиться въ помянутое засѣданіе въ академической залѣ на каѳедрѣ въ качествѣ директора академіи. «По обычаю, разсказываетъ Дашкова, здѣсь была многочисленная публика, а также иностранные министры съ ихъ женами. Я должна была произносить рѣчь, которую написала сколько возможно лаконически, при всемъ томъ однако принуждена была я прибѣгнуть къ стакану холодной воды, который для меня былъ приготовленъ, чтобы осилить горячку ложнаго стыда, всегда являвшагося у меня при подобныхъ случаяхъ». Mem. der Fürstin Daschkoff, II, 70. См. выше стр. 29.

XIII.

Madame.

Vous me permettrez de differer avec Votre Majesté dans l'espoir que l'Annoce, nous procure un Ecrivain qui remplace le premier. Cette Annonce ou Avis est for bon a etre inssere dans le journal, mais permettez moi d'esperer la continuation des «Были и Небылицы» sans lesquels notre journal perdra infiniment — je Vous demande mille pardon Madame si je griffonne si mal, je n'ecris qu'avec peinne, et comme je serai peut etre quelque jours sans avoir le bonheur de vous voir je n'ai point put resister a la tentation de vous presenter mes hommages du moins par ces lignes — il a plut a Votre Majesté de m'ordonner de lui rappeller un matin, les 200 roubles qui restent de la pension de feu M-r. Eüller, c'est pourquoi je prend la liberté de Vous suplier Madame pour ce petit secours pour son fils ainné, qui recevoit de son pere 300 et qui les perds par sa mort. Cette grace de Votre Majesté pour cette digne famille me faira tout autant et plus de bien que les medecinnes que l'on me fait prendre. — Au reste dans quelqu'etat que soye ma machinne detracquée, mon coeur et mon esprit sera toujours penetré de respect d'amour et d'admiration pour Votre personne etant pour jamais

Madame
de Votre Majesté
la très soumise et très fiidelle Sujette P. de D.

P. S. je n'ai point encore ressut la derniere composition de Лїовъ Александровичъ, elle est bonne, et ce serait dommage de l'omettre.

Примѣчаніе. О выдачѣ 200 рублей Ейлеру-сыну, согласно просьбѣ Дашковой, Императрица пишетъ въ той запискѣ, въ которой говорится, что она рѣшитъ съ княгиней объ исторической статьѣ для VIII-й книжки «Собесѣдника», а она вышла 27 ноября, VII-я же—28 октября 1783 года. Настоящее письмо можетъ относиться къ концу октября или къ началу ноября. Ср. Mem. der Fürstin Daschkoff, III, 334 и выше стр. 21.

XIV.

Madame.

J'ai l'honneur d'envoyer a Votre Majesté l'annalyse de l'ouvrage sur Pierre le Grand, qui accompagnoit la lettre a l'Auteur des «Были и Небылицы», il me paroit qu'il aura reçu une bonne leçon. Mais je la suplie de voir si il n'y a pas quelque chose a changer, ou ajouter, j'attendrai la dessus les ordres de Votre Majesté. Cette Piece sera insserée dans le 8-me volume qui comencerat a etre imprimé demain. Le septieme sera pret pour après demain, et nous serons pret depuis dimanche a imprimer la continuation de l'histoire quand il Vous plairat Madame de me la donner — Je suis impatiente de Vous faire ma Cour mais je crains bien que je ne soye privée de ce bonheur jusqu'a samedi au soir en attendant je me mets a vos pieds en Vous pryant de croire que jamais attachement et reconnoissance n'a eté plus parfaite que celle dont mon ame est penetrée pour Votre personne etant avec le devoue(ment) le plus parfait

Madame

de Votre Majesté Imperiale

la très soumise et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Ce 26 d'Octobre.

Примѣчаніе. Отвѣтъ императрицы на это и предъидущее письмо помѣщены въ Memoiren der Fürstin Daschoff, I, 334. См. выше стр. 31.

XV.

Madame

J'ai l'honneur d'envoyer a Votre Majesté Imperiale le 8-me volume du «Собеседникъ», que je suis très fachée de ne pouvoir avoir le bonheur de vous presenter moi meme, ayant pris medecine pour pouvoir avoir l'avantage de Vous faire ma cour demain. En atendant je me mets a Vos pieds etant avec l'attachement et le respect le plus inviolable

Madame

de Votre Majesté Impériale

La très soumise et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Lundi ce 20 Novembre.

XVI.

Madame.

J'ai l'honneur de remette a Votre Majesté les papiers qu'elle me demande, et comme je crois appercevoir que Votre Majesté voudroit en priver notre journal, je Vous suplie Madame de n'en rien faire, et de m'envoyer meme les compositions du Chanoine, que j'imprimerez avec beaucoup de plaisir, je suis au desespoir de m'etre aparement mal expliquée, car je Vous proteste que ce n'est que quand M-r le Chanoine m'en parla deux fois lui meme je n'ai pus m'empecher de lui dire le conseil qu'un auteur entrant nouvellement dans la carriere d'ecrire devoit savoir. Je Vous suplie de croire que je ne peut etre tranquile quand je croiroi deranger le moindre de Vos amusemens, et que Votre Majesté me faira une grace en m'envoyant le Protocole de M-r le Chanoine je vous en conjure Madame, et je serai venus vous en suplier aujourdhui si un mal de gorge et beaucoup de fievre ne me retennoit au lit. Daignez Madame en m'accordant ma demande me prouver qu'innocente comme je suis dans ce bisbile je n'ai point put vous deplaire. Etant avec le respect et l'attachement le plus inviolable

Madame

de Votre Majesté Imperiale

La très humble et tres fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

XVII.

Madame.

Je n'ai put renvoyer a Votre Majesté la piece en question parcequ'elle a été deja copié par moi et donné depuis trois jours pour etre imprimée. Je Vous suplie Madame encore une fois de me tranquiliser en me rendant justice de croire que ce n'est qu'après que l'on m'a parlé deux fois que je ne pouvois point sans une fausseté qui n'est point dans mon caractere m'empecher de dire ce que j'ai dit, je conjure Votre Majesté de m'envoyer les papiers qu'elle a repris ce matin, et de faire continuer le protocole du Chanoine, je n'ai jamais traitté tout cela au serieux, et depuis trois semainnes qu'il m'etoit revenus que l'on croyoit dans le public que l'on se moquoit de l'Academie naissante Votre Majesté peut ce rappeler, que loin d'y faire atention je me prettois au badinage et j'ai dicté souvent moi meme au Chanoine — je me rapelle maintenant que Votre Majesté m'a dit avant hier comme si je m'etois fachée contre Marozoff et comme elle pouroit induire de la que j'ai une bien mauvaise humeur, je dois exposer a Votre Majesté la verité. Je ne connois point Marozoff, et c'est moi seule presque qu'il aye epargné dans ces Critiques, Vous concluerez donc Madame que je n'ai point put etre faché contre lui et que c'est a tort que l'on m'a pretté ce sentiment. Comme rien de Vous a moi n'est indifferent pour moi, Votre Majesté pourra aisement juger combien je dois etre chagrinne de m'etre attiré le deplaisir de Votre Majesté dans une chose que je n'ai put ni prevoir ni detourner,

et sur laquelle j'ai crut au contraire avoir montré de la bonnehommie, qui d'ailleurs après un examen, se trouvera bien au dessous de l'effet quelle produit — pour l'amour de Dieu amusez vous et ne croyez point que je voulusse jamais etre un obstacle a ce qui peut Vous amuser le moins du monde — je conjure Votre Majesté de faire continuer les seances et le prottocole, et cela prouveroit qu'un badinage n'a put et ne doit point produire rien de serieux. Que puis je faire Madame pour Vous prouver une fois pour toujours que Vous etes et avez toujours eté le premier objet pour moi, alors Madame il ne pourroit y avoir des mèsentendus entre Votre Majesté et moi, et aucunne insinuation ou fausse apparence ne donneroit occasion de chagriner un coeur qui Vous est entierement devoué. C'est avec ces sentimens que j'ai l'honneur de me dire

Madame
de Votre Majesté Imperiale
la très fidelle sujette P. de Daschkaw.

XVIII.

Madame.

J'ai l'honneur d'envoyer a Votre Majesté Imperiale les papiers qu'elle me demande, et que j'avois omis de lui envoyer dernierement par ce qu'ils etoient dans un autre portefeuille et que je n'avois pas sous la main etant malade au lit — j'attends ces ordres pour la Continuation de l'histoire de Russie—je joins ici l'Almanach Allemand. Au reste je Vous suplie de croire que personne ne me surpassera jamais en devouëment pour Votre sacrée personne, que ma vie sera une etude constante de Vous temoigner mon respectueux attachement etant avec la soumission la plus parfaite

Madame
de Votre Majesté Imperiale
La très soumise et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Примѣчаніе. Письма подъ №№ XVI и XVII относятся къ 16 ноября, подъ № XVIII—къ ноябрю же 1783 г.; о чемъ говорится въ настоящемъ очеркѣ стр. 24—27.

XIX.

Madame.

Comme Monsieur Le Chanoinne desire que l'on annalyse les mots, et que l'on en determinne l'usage je joins ici quelqu'uns des mots tiré du nouveau historien de Pierre I qu'il me semble avois été ommis dans la liste d'hier afin que l'on les places dans la classe d'ou l'Auteur les a inproprement tiré — je joins aussi ici une petite piece que je veux insserer dans le 9-me volume si Votre Majesté la trouve passable. Je me suis servis du manteau de Разнощикъ pour que l'on ne reconnoisse point mon stile, et je desirerai que l'on n'en sent rien jusqu'a ce que le volume paroisse, car son frere

a deja lut la Critique qui est dans les feuilles du 8. et l'auteur crittiqué en a connoissance aussi.

Au reste c'est avec le respect et l'attachement le plus inviollable que i'ai l'honneur de me dire

Madame

de Votre Majesté Imperiale

La très soumise et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Примѣчаніе. IX-я книжка «Собесѣдника» вышла 22 декабря 1783 года. См. выше стр. 32.

XX.

Madame

Votre Majesté avoit parut desirer de savoir l'opinion de M-r. Lalande au sujet des globes aerostatiques, c'est pourquoi je prends la liberté, de joindre ici la lettre que je viens de recevoir. Etant avec l'attachement et le respect le plus inviolable

Madame

de Votre Majesté

La très humble et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Примѣчаніе. Отвѣтъ Екатерины, безъ года и числа, въ Memoiren der Fürstin Daschkoff, I, 330: «съ благодарностью возвращаю вамъ письмо г. Лаланда о воздушныхъ шарахъ. Пока не льзя будетъ къ нимъ придѣлать руля, до тѣхъ поръ они будутъ оставаться въ распоряженіи вѣтра. Будьте увѣрены въ неизмѣнномъ моемъ расположеніи».

XXI.

Madame

En presentant a Votre Majesté mes très humbles remercimens pour sa lettre, j'ai l'honneur de lui presenter un tableau imparfait mais fidelle de ce qui c'est passé a l'Acad: R: jusqu'a present; comme je l'ai fait hier au soir de memoire, il est très abregé, mais Votre Majesté verra que si l'on nous pregage sur une chose qui comencée seulement, meritte de l'indulgence même a son accomplissement; j'ose dire que nous ne pouvons etre jugé que sur la *maniere* dont nous nous servons, pour faire un Dict: et non sur les Materiaux, et que dans notre *methode de collecter* les materiaux, et dans nos procedez nous gagnerons a la comparaison que l'on fairoit de notre methode, a celle de l'Academie Françoise, qui n'ayant point fait imprimer des Tables de mots comme les notres a eté quelque fois trois jusqua 4 jours en debats sur un seul mot, et a perdut 20 fois plus de tems que nous ne pouvons en perdre—j'espere Madame qu'avec les ressources qu'il a plut a Votre Mojesté de nous donner notre premiere edition paroitra en 20 fois moins de temps que n'a parut celle du Dict. François; sans etre 20 fois plus imparfaite, je m'hazarderai meme de dire qu'elle ne sera point tout a fait indig-

ne de la protection de Votre Majesté, dont je ne veux point mettre la patience a epreuve par d'autres details. Me disant avec beaucoup de verité et avec un attachement respectueux et sans bornes

Madame

de Votre Majesté

la très soumise et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

Jeudi au matin.

P. S. La racinne des mots, ni l'explication ne devoit point entrer dans ces Tables, c'est l'ouvrage des deux commité qui travailleront sur ces materiaux, dont l'on peut plus aisement rayer une partie, que les colecter.

(Слѣдующее приложеніе писано не рукою Дашковой:)

Tableau de ce qui s'est fait jusqu'à présent à l'Académie russe.

Dans les premieres séances l'on est convenu de s'occuper d'abord à la composition d'un Dictionnaire.

Le President proposa qu'à cet effet la premiere opération devoit ce lui semble être 1) de faire un comité qui devroit s'assembler dans les inteval-les des séances générales, pour faire un plan ou prospectus pour le Dictionnaire: l'avis fut approuvé unanimement.

Le comité se rassembla plusieurs fois chez le Metropolitain, qui le présida, et il fit un plan qui fut non seulement lû en pleine assemlée, mais dont des copies furent données à tous les membres.

Dans les séances ensuite, à de très petits changemens près le plan fut approuvé et l'on convint de le suivre. En conséquence les lettres furent distribuées aux membres; et le Président proposa: qu'à mésure que les membres auront tiré des Collections de Taubert et Кандратовичъ, qui leur furent distribuées par Alphabet, les materiaux, et qu'ils les enverront au Secrétaire, celui-là en fera imprimer un certain nombre d'exemplaires pour l'inspection de chaque membre: à fin qu'à son loisir, il puisse ajouter ou rayer tel mot qu'il voudra, et qu'ensuite le comité grammairien et celui qui doit chercher l'Etymologie et faire l'Analyse des mots rédigeroit le tout. Par ce moyen l'on s'épargneroit la longeur et l'inutilité des discussions et la fatigue et le temps de copier 60 fois chaque lettre. La proposition passa unanimement et l'on fit imprimer 120 exemplaires: c'est à dire 2 exempl. pour chaque membre: à fin qu'il en retourne un avec les corrections ajoutées etc. etc. qu'il aura faites. L'on laissa une distance assés considérable entre les mots: à fin de pouvoir y ajouter encore ceux qui auroient echappés.

Quand d'autres membres furent élus, ou arriverent à Pétersbourg il y eut des avis différens sur le plan même du Dictionnaire qui avoit été approuvé: nommément les noms de baptème, et les noms des villes et endroits avoient été exclus du premier plan. Un membre donna par écrit son sen-

timent contre cette exclusion, et comme il donnoit des raisons qui n'étoient point déstituées de fondement, des copies de son écrit furent données et envoyées à tous les membres; à fin qu'ils opinent pour ou contre.

En attendant comme ces tables ne s'impriment que pour la facilité de membres, l'on consentit à y mettre les ajoutes nouvellement proposées sans que cela déroge au premier plan approuvé.

Dans la derniere séance encore le President pria Messieurs les Académiciens de ne point vouloir décider à la pluralité des voix dans une séance si l'on devoit préférer le premier plan, ou adopter le sentiment de M —; puisque c'étoit le pas le plus important que l'on pouvoit faire, qu'il falloit collecter même les sentimens des membres absens. Cette proposition fut agréée: l'on a envoyé les copies de l'ecrit de M — à tous les membres absens, et en attendant l'on continue à imprimer les Tables, qui ne sont proprement dit qu'un amas de mots, dont l'on *tirera* et *omettra* ce que l'on jugera à propos.

—

Liste des Materiaux que l'on a déja préparés.

По алфавиту выбранны слова изъ Маргарита духовнаго,
— изъ Наказа ея величества,
— изъ учрежденія ея величества,
— изъ исторіи россійской,
— изъ «Собеседника»,
— изъ Симфоніи на четыре Евангеліи,
— изъ военнаго устава ц. Ивана Васильевича,
— изъ Судебника.

Сверхъ того списанъ весь леѯиконъ имеющійся въ иностранной коллегіи.

Симфонія рукописная изъ Библіи уже сторгована и оканчивается.

По разнымъ охотамъ слова, имѣна и наречіи собраны и много другихъ сочиненій и слова собраны.

(Русское все писано рукою Дашковой).

Примѣчаніе. Изъ протоколовъ засѣданій Россійской академіи видно, что мнѣніе, о которомъ говоритъ Дашкова, принадлежало Болтину, а засѣданіе, гдѣ было положено о разсылкѣ этого мнѣнія ко всѣмъ членамъ, происходило 30 января 1784 года. Слѣдовательно отчетъ Дашковой касался перваго времени существованія Россійской Академіи (съ 30 октября 1783 года).

XXII.

Madame!

C'est un vrai bonheur Votre Majesté Imperiale pour moi de pouvoir vous reitterer mes très humbles hommages et c'est avec un empressement des plus vifs que je saisis l'occasion que m'offre Monsieur Daubegny

(cet Anglois qui etoit venut avec moi a Petersbourg) en me chargeant de presenter a Votre Majesté l'ode si jointe.

Je m'estime tres redevable envers lui de ce que par son moyen je serai rappelée au souvenir de mon Aujuste Souveraine, et je tenterai par reconnoissance de traduire son ouvrage dans une langue plus familiere ici; il est vrai que ce qu'il dit, de Votre Majesté, est dit et pensé par tout le monde, mais tout le monde n'a pas la meme facilité de s'exprimer, et son stile et le poetisme de ces idees meriteroit un meilleur translateur que moi. Si je savais ne point deplaire à Votre Majesté Imperiale, je prendrai alors la liberté de lui presenter le fruits du loisir d'une campagnarde, qui se fait gloire d'etre jusqu'au dernier soupir avec une soumission, et un attachement le plus respectueux et le plus inviolable

Madame

de Votre Majesté Imperiale

la très obeissante et très fidelle Sujette Princesse de Daschkaw.

P. S. J'ai eu la hardiesse Madame d'adresser à Votre Majesté une lettre par Monsieur Elagin il y a deux mois; et je suis maintenant dans la cruelle aprehension de vous avoir deplut, ce qui me rend miserable. Il est si naturel à Votre Majesté de faire le bonheur de ces sujets, que j'attends de Votre clemence une gracieuse assurance du contraire, ce qui assurement est et serat toujours mon seul souhait et l'unique but de toutes mes actions.

XXIII.

Madame

Je suis persuadée que Votre Majesté regne sur les cœurs de tous ces sujets, et que mon attachement pour sa personne, est un sentiment aussi generale que naturel; mais soit que mes nerfs soyent plus imparfait plus foibles que ceux d'autres personnes, soit que ma sensibilité (quand il ne sagit pas du moi personel) soye ingouvernable, je ne me sent point assez de force pour prendre congé de Votre Majesté. Permettez donc Madame que je le fasse par ces lignes en me recomendant a la continuation de Votre precieuse bienveillance, comme un etre qui ne s'en croit digne que par la sincerité et la stabilité de son devouement, qui depuis que j'ai été capable de reflechir n'a pas cessé de guider toutes mes actions et mes souhaits.

Que Votre Majesté daigne seulement me compter comme quelqu'un dont le zele et le desinteressement ne demande pas mieux que d'etre mis a l'epreuve journellement, et je m'estimerai etre la plus recompensée de Vos fidelles servantes; mon admiration, ma confiance et ma tendresse respectueuse pour Vous ont fait la principale jouissance de ma vie et je cheris

trop les sentimens dont mon cœur et mon esprit vous font hommage pour qu'ils eussent aussi longtemps qu'existera celle qui a l'honneur de se dire

Madame

de Votre Majesté

La très humble et très fidelle sujette Princesse de Daschkaw.

P. S. Que je serai heureuse si je pouvois me flatter d'avoir pendant le cours de voyage de Votre Majesté de temps a autre des nouvelles de sa precieuse santé.

XXIV.

Все Милостивейшея Государыня!

Въ горькомъ и злоключительномъ состояніи нещастноџ моеи жизни съ двумя сиротами младенцами, ни что уже другое подкреплять мѣня не можетъ кроме вседневнаго напаметованія, что мужъ мои такъ рановремянно лишился жизни въ деиствительнои службѣ столь милосердои матери и щедрои Монархини къ своимъ вѣрноподданнымъ, и сіе одно даетъ мнѣ дерзновеніе прибегнуть къ великодушному Вашего Імператорскаго Величества воззрѣнію на сиротъ безпомошныхъ.

Всемилостивеишея Государыня! Вашему Імператорскому Величеству преждѣ известно было мое состояніе, я съ собою за мужъ принесла только десеть тысечъ рублеи, которые въ перьвые годы мужемъ моимъ прожиты были; отъ щедрои руки Вашего Величества всемилостивеишеѣ награжденіе большою частью тогда же пошло въ уплату его долговъ, а на оставшеѣ съ присовокупленіемъ отъ дневныхъ моихъ расходовъ купила я въ Петербурхѣ деревяннои домъ, которои безъ наима и безъ купца отъ гнилости совсемъ пропадаетъ, потому что зъ достаткомъ желающіе иметь тамъ домы получаютъ даромъ порожнія места и на нихъ строются. За сиротами моими отцовскаго именія и съ моею частью послѣ замужества ихъ тетки а моей золовки, осталось съ три тысечи душъ, да долгу которои я съ того же выплачиваю сълишкомъ шеснадцать тысечъ. При такомъ состояніи, отъ недорода во всехъ деревняхъ хлѣба я два года лишаюсь съ нихъ доходовъ по половине и определяя себя жить белеѣ здесь для способнеишего надзиранія надъ малымъ нашимъ именіемъ, неимею еще построеннаго дому.

Я себя и съ моими младенцами подверьгаю къ монаршимъ вашимъ стопамъ, возрите Всемилостивеишея Государыня! милосердымъ окомъ на плачущую вдову съ двумя сиротами, простри́те щедрую свою руку и спасите насъ нещастныхъ отъ паденія въ бедность къ вящему увеличиванію милосердыхъ делъ Вашего Величества.

Я пребываю съ ненарушимою верно подданическою преданностью

Вашего Імператорскаго Величества

всенижайшея раба Княгиня Катрина Дашкава.

XXV.

Все милостивешая Государыня!

Все подданическая моя къ Вашему Імператорскому Величеству привязанность, влекла мѣня уже давно все нижаишими строками принесть мою усердную предашность, но страхъ утрудить и отвлечь васъ Всемилостивеишея Государыня отъ великихъ и вамъ обыкновенныхъ дѣлъ, мѣня отъ того удержало.

Ныне жъ дерзаю Всемилостивешея Государыня пасть къ стопамъ вашимъ и какъ щедрую Мать, коя соделываетъ наше благополучіе, осмеливаюсь все нижайше просить о пожалованіи мнѣ хотя на променъ на сильно поселившихся ведомства дворцовои канцеляріи крестьянъ на моеи земле, оные тристо шездесятъ мужескаго полу душъ безъ дачъ и подъ видомъ рыбныхъ ловлеи изъ Танбова и другихъ уездовъ въ Шацкои населялись, и умножась драки и ссоры безъпрестанные делаютъ такъ какъ и въ подмосковнои где я живу, вѣдомства коллегіи экономіи, сѣла Владыкина и деревни Лихоборы крестьяне, коихъ мужеска полу сто четырнатцать душъ; а кои темъ болеѣ мнѣ нужны что въ моеи деревни только шесть мужиковъ. Простите милостиво мнѣ Матушка Ваше величество сію прозьбу, и естли она дерзка покажется, то отпустите великодушно для того что я пожалованіе сихъ малыхъ деревень за последнею и вящую себѣ милость представляла и по вѣкъ мои бы осталась награждена спокоина и безъпредельно благодарна.

Чтобы не утрудить Ваше Імператорское Величество я сократила сіе, а изъяснила все дело въ письме Івана Перфильевича какъ правителю волостныхъ крестьянъ. Еще разъ осмеливаюсь просить у Вашего Величества прощенье и могу искренностью душевною васъ уверить, что одна ваша милость и щедрота мѣня подкрепила поступить на сію прозьбу. Она Всемилостивешея Государыня и заставляетъ насъ столькоже васъ любить и обожать, сколь много мы славнымъ дѣламъ вашимъ удивляемся, она причиною что верность и горячея преданность наша къ вамъ не ограниченна, и она то делаетъ что мы славимся быть подъ вашимъ скипетромъ. Съ сими то чувствами исполненное сердце тои которая принимаетъ смелость называтца навсегда

Вашего Імператорскаго Величества
Всемилостивешеи Государыни
всепокорнеишая и вернеишая раба Княгиня Екатерина Дашкава.

Михалково 8 апреля.

XXVI.

Все Милостивешая Государыня!

Щастливои для Россіи день Рожденія Вашего Імператорскаго Величества, новымъ ныне источникомъ для мѣня радости, поощряя мѣня при-

несть вамъ всеподанническое мое поздравленїе, съ желанїемъ наиусерднеишимъ чтобы вы Все Милостивеншея Государыня къ благополучїю Імперїи съ нею купно нещотные годы сеи день праздновали.

Связь освященнеишая усердныхъ сердецъ нашихъ съ Монархинею, уничтожаетъ преграду отдаленности мѣстъ, и состоянїя Она причиною Ваше Імператорское Величество что поселянка отдаленная осмеливается какъ Матери (хоть слабо) изражать свои чувствованїи. Примите Все Милостивеишая Государыня съ обыкновенною вамъ милостью сїи строки, какъ отъ человека которои славу свою поставляетъ и посмерьть поставлятъ будетъ, вамъ жизнь свою посвящать и пребыть съ непоколебимою верностью

Вашего Імператорскаго Величества
все Милостивеишая Государыня
всепокорнеишая и послушнеишая раба Княгиня Екатерина Дашкава.

Троицкое 12 апреля.

XXVII.

Madame!

La Grandeur d'ame de Votre Majesté Imperiale remplis les cœurs d'esperance, et c'est avec une confiance respectuese et filliale, que j'ose me jetter à vos pieds pour vous suplier Madame de me rendre la vie, et la tranquilité, en me permettant d'aller chercher des secours, dans les pays etrangers contre l'etat de langueur de mon amie et de mes enfans. Le Cœur compatissant de votre Majesté peut aisement se representer le tableau desesperant que j'ai journellement devant les yeux, en voyant deperir tout ce que j'ai de plus cher au monde. Puissiez vous Madame etre touchée de l'etat cruel ou je me trouve et par un nouveau bienfait, augmenter la Gloire d'un regne, dont l'eclat tire sa source de l'humanité, et de la bienfaisance. Toute une famille sauvée par la bonté de Votre Majesté Imperiale devouera ces jours à benirs les votres, et c'est dans ces sentimens qu'avec le respect et la soumission la plus profonde j'ose me nommer

Madame
de Votre Majesté Impériale
la très humble et très soumise sujette Princesse Catherine de Daschkaw.

XXVIII.

Madame

Voici un belle Greque Votre Majesté qui veut avoir l'honneur de Vous presenter ces hommages et Vous remercier pour les sentimens d'humanité et de bienfaisance, que votre Majesté Imperiale vient de faire eclater à cette paix si digne de ma grande souveraine et qui se repandent sur tant de gens et de nations. Permettez Madame qu'a cette occasion je Vous temoigne la vive reconnaissance dont mon cœur est penetré, en qualité de bonne Russe, et de zelée admiratrice des grandes qualitez dont Votre ame

est ornée. Permettez aussi, que j'aye l'honneur de Vous feliciter par le moyen du papier, (ne pouvant le faire autrement vut ma malladie) de cette fin d'une guerre glorieuse, par une paix plus glorieuse encore.

Je m'estimerai heureuse si Votre Majesté voudra bien recevoir ce tableau; si vous trouverez Madame que cette beauté asiatique à du triste dans la physionomie, c'est qu'elle adopte les sentimens que j'ai toujours quand je n'ai pas le bonheur de voir Votre Majesté. Car l'attachement, le respect, et la veneration, que j'ai pour la Personne Sacrée de Votre Majesté Imperiale ne sauroit s'exprimer. C'est avec ce devouement Madame, et avec la soumission et la fidelité la moins bornée que je prend la liberté de me nommer

Madame

de Votre Majesté Imperiale

La très obeissante et très soumise sujette Princesse de Daschkaw.

Ce 26 Juillet.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.